

Вольтер

Орлеанская девственница

ФТМ

**Перевод с французского
Николая Гумилева**

Вольтер

Орлеанская девственница

«ФТМ»

1755

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Вольтер

Орлеанская девственница / Вольтер — «ФТМ», 1755

Написанная не для печати, зачисленная редакцией в разряд «отверженных» произведений, поэма Вольтера (1694–1778) «Орлеанская девственница» явилась одним из самых блестящих антирелигиозных памфлетов, какие только знала мировая литература. В легкомысленные образы облакает она большое общественное содержание. Яркие, кипучие, дерзкие стихи ее не только не потеряли своего звучания в наше время, но, напротив, получили большой резонанс благодаря своему сатирическому пафосу. Для своей поэмы Вольтер использовал один из драматических эпизодов Столетней войны между Францией и Англией – освобождение Орлеана от осаждавших его английских войск. Вольтер развенчивает слащавую и ханжескую легенду об орлеанской деве как избраннице неба, создавая уничтожающую сатиру на Церковь, религию, духовенство. Пародийно обыгрывая мотив чудотворной силы, которая проистекает из чистоты и непорочности Жанны и которая якобы стала залогом ее победы над англичанами, Вольтер доводит эту мысль до абсурда: сюжет строится на том, что девичья честь Жанны служит предметом посягательств и коварных козней со стороны врагов Франции. Автор выводит на страницы поэмы целую галерею развратных, лживых, корыстолюбивых священнослужителей разного ранга – от архиепископа до простого монаха. Жанна в его поэме – краснощекая трактирная служанка с увесистыми кулаками, способная постоять за свою честь и обратиться в бегство врагов на поле боя. Замысел поэмы возник, очевидно, в 20-е годы XVIII в. Работал над ней Вольтер медленно, с большими перерывами. Первые песни были написаны к началу 30 – концу 40 гг.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

© Вольтер, 1755

© ФТМ, 1755

Содержание

Предисловие отца Апулея Ризория Бенедиктинца	6
Песнь первая	9
Песнь вторая	19
Песнь третья	32
Песнь четвертая	43
Песнь пятая	58
Песнь шестая	66
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Вольтер

Орлеанская девственница

(перевод Гумилёва Н.С.
под ред. Лозинского М.Л.)

Предисловие отца Апулея Ризория Бенедиктинца

Будем признательны доброй душе, благодаря которой у нас появилась «Девственница». Как известно ученым и как явствует из некоторых черт самого труда, эта героическая и назидательная поэма написана около 1730 года. Из письма 1740 года, напечатанного в собрании мелких произведений одного великого государя, под именем «Философа из Сан-Суси», видно, что некая немецкая принцесса, которой дали на время рукопись только для прочтения, была так восхищена осмотрительностью, с какой автор развил столь скользкую тему, что потратила целый день и целую ночь, заставляя списывать и списывая сама наиболее назидательные места упомянутой рукописи. Этот самый список наконец попал к нам. Обрывки нашей «Девственницы» уже неоднократно появлялись в печати, ценители здоровой литературы всякий раз бывали возмущены, видя, как ужасно она искажена. Одни издатели выпустили ее в пятнадцати песнях, другие в шестнадцати, восемнадцати, двадцати четырех, то разделяя одну песнь на две, то заполняя пропуски такими стихами, от которых отрекся бы возница Вертамона, прямо из кабачка отправлявшийся на поиски приключений¹.

Итак, вот «Иоанна» во всей своей чистоте. Мы боимся высказать слишком смелое предположение, назвав имя автора, коему приписывают эту эпическую поэму. Достаточно, чтобы читатели могли извлечь назидание из морали, скрытой в аллегориях поэмы. К чему знать, кто автор? Немало есть трудов, которые ученые и мудрые читают с наслаждением, не зная, кто их написал, как, например, «Pervigilium Veneris»² – сатира, приписываемая Петронию, и множество других.

Особенно нас утешает, что в нашей «Девственнице» найдется гораздо меньше дерзостей и вольностей, чем у всех великих итальянцев, писавших в этом роде.

Verum enim vero³, начать с Пульчи, – нам было бы очень досадно, если бы наш скромный автор дошел до тех маленьких вольностей, которые допускает тот флорентиец в своем «Morgante»⁴. Этот Луиджи Пульчи, бывший почтенным каноником, написал свою поэму в середине XV века для синьоры Лукреции Торнабуони, матери Лоренцо Медичи Великолепного; и передают, что «Morgante» пели за столом у этой дамы. Это была вторая эпическая поэма Италии. Ученые много спорили о том, серьезное это сочинение или шуточное.

---

¹ В последних изданиях этой поэмы, сделанных невеждами, читатель с возмущением видит множество стихов, вроде: И пальцем проверяет тут Шандос:Иоганна все по-прежнему ль девица?«Черт побери тесьму!» – хрипя, бранится.Но вот тесьму и вправду черт унес.Шандос встряхнуть свою тряпицу тщится,..... На свой манер у каждого повадка. О Людовике Святом там говорится: Уж лучше бы бедняга развлекалсяВ постели со своею Марготон... Он ракового супа не едал, и т. д. Кальвин там современник Карла VII; все искажено, все испорчено бесчисленными нелепостями; автор этой мерзости, годной единственно для всякого сброда, расстрига-капуцин, принявший имя Мобера.

² «Ночное бдение в честь Венеры» (лат.).

³ В самом деле (лат.).

⁴ «Морганте» (итал.).

Те, кто считал ее серьезной, основывались на вступлении к каждой песне, начинающемся стихами из Писания. Вот, например, вступление к первой песне:

In principio era il Verbo appresso a Dio;
Ed era Iddio il Verbo, e'l Verbo lui.
Questo era il principio al parer mio, etc.⁵

Если первая песнь начинается Евангелием, то последняя кончается «*Salve regina*»⁶, и это оправдывает мнение тех, которые полагали, что автор писал вполне серьезно: ведь в то время театральные пьесы, ставившиеся в Италии, извлекались из «*Страстей*» или из «*Житий святых*».

Те же, кто рассматривал «*Morgante*» как шуточное произведение, обратили внимание лишь на некоторые слишком большие вольности, там допущенные.

Морганте спрашивает Маргутте, христианин он или магометанин:

E se egli crede in Cristo o in Maometto.
Rispose allor Margutte: A dirtel tosto,
Io non credo più al nero che al azzuro;
Ma nel cappone, o lesso o vuogli arrosto;
.....
Ma sopra tutto nel buon vino ho fede;
E credo che sia salvo chi gli crede.
Or queste son tre virtù cardinale,
La gola, e'l culo, e'l dado, come io t'ho detto.⁷

Заметьте, пожалуйста, что Крешимбени, нисколько не затрудняющийся поместить Пульчи в ряду настоящих эпических поэтов, говорит, в его извинение, что это самый скромный и самый умеренный из писателей своего времени: «*il più modesto e moderato scrittore*». В действительности он был предшественником Боярда и Ариоста. Благодаря ему прославились в Италии Роланды, Рено, Оливье и Дюдоны, и он почти равен Ариосту чистотой языка.

Недавно вышло очень хорошее издание его *con licenza de'superiori*⁸. И, конечно, это не я его выпустил; если бы наша Девственница говорила так же бесстыдно, как этот Маргутте, сын турецкого священника и греческой монахини, я бы поостерегся ее печатать.

В «*Иоанне*» не найти и таких дерзостей, как у Ариоста; здесь не встретить святого Иоанна, обитающего на Луне и говорящего:

Gli scrittori amo, e fo il debito mio,
Che al vostro mondo fui scrittore anch'io.
.....
E ben convenne ad mio lodato Cristo
Rendermi guiderdon di si gran sorte, etc.⁹

---

⁵ В начале было Слово – Слово Бога, Бог Слово был, и Слово было Богом, Все началось от этого порога, и т. д. (итал.).

⁶ «Здравствуй, царица» (лат.).

⁷ Кто свят ему – Христос или Магомет? Маргутте отвечал: «Ни в чох, ни в сон Не верю я, – но верую в цыпленка, Когда на славу подрумянен он..... А пуще верю я в стакан вина, Душа той верой будет спасена. Три главных добродетели мне святы: Зад, глотка и игра. Вот мой ответ (итал.).»

⁸ С разрешения властей (итал.).

⁹ Мне сочинителей любить пристало: Я в мире вашем сочинил немало..... По праву наградил меня Христос За то, что так его я превознес... (итал.).

Это заносчиво; и здесь святой Иоанн позволяет себе то, чего ни один святой в «Девственнице» себе никогда не позволил бы. Выходит, что Иисус обязан своей божественностью только первой главе Иоанна и что этот евангелист ему польстил! Подобное утверждение отдаст социнианством. Наш сдержанный автор не мог бы впасть в такую крайность.

Также весьма для нас утешительно, что сей скромный автор не подражал ни одному из наших старинных романов, историю которых написали ученый епископ Авраншский Гюз и компилятор аббат Ланеле. Доставьте себе удовольствие прочесть в «Ланселоте с озера» главу под заглавием: «О том, как Ланселот спал с королевой и как она вернулась к сиру де Лагану», и вы увидите, как целомудрен наш автор в сравнении со старыми нашими писателями.

Но *quid dicam*¹⁰ о чудесной истории Гаргантюа, посвященной кардиналу де Турнону? Известно, что глава «О подтирках» – одна из наиболее скромных в этом произведении.

О произведениях современных мы не говорим; скажем только, что все старые повести, сочиненные в Италии и переложенные в стихи Лафонтеном, также менее нравственны, чем наша «Девственница». В общем, мы желаем всем нашим строгим цензорам тонкие чувства прекрасного Монроза; нашим скромницам, если только они существуют, простодушие Агнесы и нежность Доротеи; нашим воинам – десницу мощной Иоанны; всем иезуитам – нрав доброго духовника Бонифация; всем управителям в хорошо поставленных домах – распорядительность и умение Бонно.

К тому же мы считаем эту книжечку отличным средством против ипохондрии, угнетающей в настоящее время некоторых дам и некоторых аббатов; и если мы окажем обществу хотя бы только эту услугу, мы сочтем, что потратили время не даром.

---

¹⁰ Что сказать (лат.).

Песнь первая

Нежная любовь Карла VII и Агнесы Сорель. Осада Орлеана англичанами. Явление святого Дениса и пр.

Я не рожден святыню славословить,¹¹
Мой слабый глас не взыдет до небес,
Но должен я вас ныне приготовить
К услышанью Иоанниных чудес.
Она спасла французские лилеи.
В боях ее девической рукой
Поражены заморские злодеи.
Могучею блистая красотой,
Она была под юбкою герой.
Я признаюсь, – вечернею порой
Милее мне смиренная девица,
Послушная, как агнец полевой;
Иоанна же была душою львица,
Среди трудов и бранных непогод
Являлася всех витязей славнее
И что всего чудеснее, труднее,
Цвет девственный хранила круглый год.

О ты, певец сей чудотворной девы¹²,
Седой певец, чьи хриплые напевы,
Нестройный ум и бестолковый вкус
В былые дни бесили нежных муз,
Хотел бы ты, о стихотворец хилый,
Почтить меня скрипицею своей,
Да не хочу. Отдай ее, мой милый,
Кому-нибудь из модных рифмачей.¹³

Державный Карл, в расцвете юных дней,
В старинном Туре на балах пасхальных
(Он был любитель развлечений бальных)
Пленился, к счастью для своих земель,

---

¹¹ Некоторые издания гласят: *Вы мне святых велите славословить*. Это чтение правильно; но мы приняли другое, как более занимательное. К тому же оно свидетельствует о большой скромности автора. Он признается, что недостойн воспевать девственницу. Этим он изобличает издателей, приписавших ему, в одном из изданий его сочинений, оду «Святой Женевиеве», автором которой он, наверное, не является.

¹² Всякому ученому известно, что во времена кардинала Ришелье жил некий Шаплен, автор замечательной поэмы «Девственница», в которой, по словам Буало, «он написал двенадцатью двенадцать сот плохих стихов». Буало не знал, что этот великий человек написал их двенадцатью двадцать четыре сотни, но что, по скромности, напечатал только половину. Род Лонгвилей, происходивший от красавца Дюнуа-незаконнорожденного, назначил пресловутому Шаплону пенсию в двенадцать тысяч ливров. Можно было бы лучше распорядиться своими деньгами.

¹³ Это Ламотт-Гудар, автор стихотворного перевода «Илиады», перевода очень сокращенного и тем не менее очень плохо встреченного. Фонтенель в академической похвале Ламотту говорит, что это вина оригинала.

Красавицей Агнесою Сорель.¹⁴
Такого чуда не встречали взоры.
Вообразите нежный облик Флоры,
Стан и осанку молодых дриад,
Живую прелесть Анадиомены
И Купидона шаловливый взгляд,
Персты Ахарны, сладкий глас сирены, –
В ней было все; пред ней бы в прах легли
Герои, мудрецы и короли.
Ее узреть, влюбиться, млеть от страсти,
Желаний сладких испытать напасти,
Глаз не сводить с Агнесы, трепетать
И голос, к ней приблизившись, терять,
Ей руки жать ласкающей рукою,
Дать чувствам течь пылающей рекою,
Томиться, в свой черед к себе маня,
Понравиться ей – было делом дня.
Любовь царей стремительней огня.
В любви искусна, думала Агнеса,
Что страсть их скроет тайная завеса,
Но эту ткань прозрачную всегда
Нескромный взор пронижет без труда.

Чтоб ни один о них не знал повеса,
Король избрал советника Бонно,¹⁵
Чью верность испытал уже давно:
Он был носителем большого чина,
Который двор, где все освящено,
Зовет учтиво другом властелина,
А грубые уста простолюдина –
Обычно сводней, что весьма срамно.
У этого Бонно в глуши укромной
Был на Луаре замок – хоть куда.
Агнеса тайно подплыла туда,
И сам король приехал ночью темной.
Их ужин ждал приятный, хоть и скромный;
Бонно достал вино из погребов.
Как вы ничтожны, пиршества богов!
Любовники, смущенные заране,
Во власти опьяняющих желаний,
В ответ на взгляд бросали жгучий взгляд,
Предвестие полуночных услад.
Беседа, скромная, но без стеснения,

---

¹⁴ Агнеса Сорель, дама из Фроманто, близ Тура. Король Карл VII подарил ей замок «Краса на Марне», и ее стали звать Дамой Красоты. У нее было двое детей от короля, ее любовника, хотя он не позволял себе с нею вольностей, согласно историографам Карла VII, людям, которые при жизни королевей всегда говорят правду.

¹⁵ Лицо вымышленное. Иные охотники до сплетен утверждают, будто скромный автор имел в виду некоего толстого лакея некоего государя; но мы иного мнения, и наше замечание остается в силе. Как говорит Дасье.

Усиливала пламя нетерпенья.
Король Агнесу взором пожирал,
Нежнейший вздор украдкою шептал
И ногу ей ногою прижимал.

Окончен пир. Венеции и Лукки
Несутся хроматические звуки;¹⁶
С тройным напевом сладкий голос свой
Сливают скрипка, флейта и гобой.
Слова поют о сказочном герое,
Который, в ослепительной мечте
Прийтись по сердцу деве-красоте,
Забыл о славе и о поле боя.
Оркестр был скрыт в укромном уголке,
От молодой четы невдалеке.
Агнеса, девичьим стыдом томима,
Все слышала, никем чужим не зрима.

Уже луна вступила в свой зенит;
Настала полночь: час любви звенит.
В алькове царственно-позолоченном,
На темном и не слишком освещенном,
Меж двух простынь, каких теперь не ткнут,
Красы Агнесы обрели приют.
Открыта дверь перед альковым прямо;
Алиса, многоопытная дама,
Ее не зря забыла притворить.
О юноши, способные любить,
Поймете вы и сами, без сомненья,
Как наш король сгорал от нетерпенья!
На пряди ровные его кудрей
Уж пролит дивно пахнувший елей.
Он входит, с девой он ложится рядом;
О, миг, чудесным отданный усладам!
Сердца их бьются, то любовь, то стыд
Агнесин лоб и жжет и леденит.
Проходит стыд, любовь же пребывает.
Ее любовник нежный обнимает.
Его глаза, что страсть восторгом жжет,
Не оторвутся от ее красот.
В чьем сердце не проснулася бы нега?

Под шеей стройною, белее снега,

---

¹⁶ Хроматическая гамма построена на последовательности полутонов, что создает музыку нежную, весьма располагающую к любовным утехам.

Две белых груди, круглы и полны,
Кольшутся, Амуром созданы;
Увенчивают их две розы милых.
Сосцы-цветы, что отдохнуть не в силах,
Зовете руку вы, чтоб вас ласкать,
Взор – видеть вас, и рот – вас целовать.
Моим читателям служить готовый,
Их жадным взглядам я бы показал
Нагого тела трепетный овал, –
Но дух благопристойности суровый
Кисть слишком смелую мою сдержал.
Все прелесть в ней и все благоуханье.
Восторг, Агнесы пронизавший кровь,
Дает ей новое очарованье,
Живит ее; сильнее румян любовь,
И нега красит нежное создание.

Три месяца любовники живут,
Ценя свой обольстительный приют.
К столу приходят прямо от постели.
Там завтрак, чудо поварских изделий,
Дарует чувствам прежнюю их мощь;
Потом на лов среди полей и рощ
Их андалусские уносят кони,
И лаю гончих вторит крик погони.
По возвращенье в баню их ведут.
Духи Аравии, масла, елеи,
Чтоб сделать кожу мягче и свежее,
Над ними слуги пригоршнями льют.

Пришел обед; изысканное мясо
Фазана, глухаря или бекаса,
В десятках соусов принесено,
Ласкает нос, гортань и взгляд равно.
Аи веселый, искристый и пенный,
Токайского янтарь благословенный
Щекочет мозг и мыслям придает
Огонь, необходимый для острот,
Таких же ярких, как напиток пьяный,
Что зажигает и живит стаканы.
Бонно в ладоши хлопает, хваля
Удачные словечки короля.
Пищеваренье к ночи их готовит;
Рассказывают, шутят и злословят,
Под чтение Аленовых стихов;
Дивятся на сорбоннских докторов,
На попугаев, обезьян, шутов.

Подходит ночь; искусные актеры
Комедией увеселяют взоры,
И, день блаженный завершая вновь,
Над нежной парой властвует любовь.

Им, завлеченным в сети наслажденья,
Как первой ночью, новы упоенья.
Всегда довольны, ни один не хмур,
Ни ревности, ни скуки, ни бессилья,
Ссор не бывает; Время и Амур
Вблизи Агнесы позабыли крылья.
Карл повторял, обвив ее рукой,
Даря подруге жаркое лобзанье:
«Агнеса, милая, мое желанье,
Весь мир – ничто перед твоей красотой,
Царить и биться, – что за сумасбродство!
Парламент мой отрекся от меня;¹⁷
Британский вождь грозней день ото дня;
Но пусть мое он видит превосходство:
Он царствует, но ты зато – моя».

Такая речь не слишком героична,
Но кто вдыхает благовонный мрак
В руках любовницы, тому прилично
И позабыться, и сказать не так.

Пока он жил среди неги и приятства,
Как настоятель тучного аббатства,
Британский принц¹⁸, исполнен святотатства,
Всегда верхом, всегда вооружен,
С мечом, освобожденным из ножен,
С копьем склоненным, с поднятым забралом
По Франции носился в блеске алом.
Он бродит, он летает, ломит он
Могучий форт, и крепость, и донжон,
Кровь проливает, присуждает к платам,
Мать с дочерью шлет на позор к солдатам,
Монахинь поруганью предает,
У бернардинцев их мускаты пьет,
Из золота святых монету бьет
И, не стесняясь ни Христа, ни Девы,
Господни храмы превращает в хлевы:

---

¹⁷ Парижский парламент три раза вызывал короля, тогда наследника, при звуках трубы, к мраморному столу, согласно заключению королевского прокурора Мариньи. (См. «Исследования» Паскье.)

¹⁸ Этот британский принц – герцог Бедфордский, младший брат Генриха V, короля Англии, коронованного на французский престол в Париже.

Так в сельскую овчарню иногда
Проникнет хищный волк и без стыда
Кровавыми зубами рвет стада
В то время, как, улегшись на равнине,
Пастух покоится в руках богини,
А рядом с ним его могучий пес
В остатки от съестного тычет нос.

Но с высоты блестящей апогея,
От наших взоров скрытый синевою,
Добрjak Денис¹⁹, издавний наш святой,
Глядит на горе Франции, бледнея,
На торжество британского злодея,
На скованный Париж, на короля,
Что все забыл, с Агнесою дремля.
Святой Денис – патрон французских ратей,
Каким был Марс для римских городов,
Паллада – для афинских мудрецов.
Но надобно не смешивать понятий:
Один угодник стоит всех богов.

«Клянусь, – воскликнул он, – что за мытарство
Увидеть падающим государство,
Где веры водружал я знамена!
Ты, лилия, стихиям отдана;
Могу ли Валуа не сострадать я?
Не потерплю, чтоб бешеные братья
Британского властителя²⁰ могли
Гнать короля с его родной земли.
Я, хоть и свят, – прости мне, боже правый, –
Не выношу заморской их державы.
Мне ведомо, что страшный день придет,
И этот прекословящий народ
Святые извратит постановления,
Отступится от римского ученья
И будет папу жечь из года в год.
Так пусть заране месть на них падет:
Мои французы мне пребудут верны,
А бриттов совратит прельщенье скверны;

---

¹⁹ Этот добрый Денис (Дионисий) не есть так называемый Дионисий Ареопагит, но епископ Парижский. Аббат Гилдуин был первый, кто написал, что этот епископ, будучи обезглавлен, нес свою голову в руках от Парижа до самого аббатства, носящего его имя. Впоследствии на всех тех местах, где этот святой останавливался по дороге, были воздвигнуты кресты. Кардинал Полиньяк, передавая эту историю маркизе дю ***, добавил, что Денису стоило труда нести свою голову только до первой остановки; на что означенная дама ему ответила «Конечно, в подобных делах только первый шаг и труден».

²⁰ Генрих V, король Английский, величайший деятель своего времени, зять Карла VII, на сестре которого он был женат, умер в Венсене, будучи признан в Париже королем Франции; его брат, герцог Бедфордский, правил самой цветущей частью Франции именем своего племянника Генриха VI, также призванного в Париже как французский король парламентом, ратушей, судом, епископом, цехами и Сорбонной.

Рассеем же весь род их лицемерный,
Накажем их, надменных искони,
За все то зло, что сделают они».

Так говорил угодник в рощах рая,
Проклятьями молитвы уснащая.
И в тот же час, как бы ему в ответ,
Там, в Орлеане, собрался совет.
Был осажден врагами город славный
И изнемог уже в борьбе неравной.
Вельможи, ратной доблести полны,
Советники – седые болтуны,
По-разному неся свои печали,
«Что делать?» – поминутно восклицали.
Потон, Ла Гир и смелый Дюнуа²¹
Враз крикнули надменные слова:
«Соратники, вперед, вся кровь – отчизне,
Мы дорого продать сумеем жизни».
«Господь свидетель! – восклицал Ришмон. –
Дотла весь город должен быть сожжен;
Пускай ворвавшиеся англичане
Найдут лишь дым и пепел в Орлеане».

Был грустен Ла Тримуйль: «Ах, злой удел
Мне в Пуату родиться повелел!
В Милане я оставил Доротею;
Здесь, в Орлеане, я в разлуке с нею.
В боях пролью я безнадежно кровь,
И – ах! – умру, ее не встретив вновь!»
А президент Луве²², министр монарший,
На вид мудрец, с осанкой патриаршей,
Сказал: «Должны мы все же до тех пор
Просить парламент вынести приговор
Над англичанами, чтоб в этом деле
Нас в упущеньях упрекать не смели».
Луве, юрист, не знал того, – увы! –
Что было достоянием молвы:
А то бы он заботился не меньше,
Чем о врагах, о милой президентше.
Вождь осаждающих, герой Тальбот,
Любя ее, любим был в свой черед.
Луве не знал; его мужское рвенье
Лишь Франции преследует отмщенье.

---

²¹ Потон де Сентрайль, Ла Гир – великие полководцы; Жан де Дюнуа – побочный сын Людовика Орлеанского и графини Ангэнской; Ришмон – коннетабль Франции, впоследствии герцог Бретонский; Ла Тимуйль – из знатного рода в Пуату.

²² Президент Луве – министр-советник при Карле VII.

В совете воинов и мудрецов
Лились потоки благородных слов,
Спасать отчизну слышались призывы;
Особенно Ла Гир красноречивый
И хорошо, и долго говорил,
Но все-таки вопроса не решил.

Пока они шумели, в окнах зала
Пред ними тень чудесная предстала.
Прекрасный призрак с розовым лицом,
Поддержан светлым солнечным лучом,
С небес отверстых, как стрела, несется,
И запах святости в собрание льется.
Таинственный пришлец украшен был
Ушастой митрой, сверху расщепленной,
Позолоченной и посеребренной;
Его долматик по ветру парил,
Его чело сияло ореолом,²³
Его стихарь блистал шитьем тяжелым,
В его руке был посох с завитком,
Что был когда-то авгурским жезлом.²⁴
Он был еще чуть зрим в огне своем,
А Ла Тримуйль, святоша, на колени
Уже упал, твердя слова молений.
Ришмон, в котором сердце как булат,
Хулитель и кощунственник исправный,
Кричит, что это сатана державный,
Которого им посылает ад,
Что это будет шуткой презабавной –
Узнать, как с Люцифером говорят.
А президент Луве летит стрелою,
Чтоб отыскать горшок с водой святою.
Потон, Ла Гир и Дюнуа стоят,
Вперив в пространство изумленный взгляд,
Простерлись слуги, трепетом объята.
Видение все ближе, и в палаты
Влетает тихо, на луче верхом,
И осеняет всех святым крестом.
Тут каждый крестится и упадает.
Он их с улыбкой кроткой поднимает
И молвит: «Не дрожите предо мной;

---

²³ Ореол – это венец из лучей, которые святые всегда носят на голове. Он, по-видимому, является имитацией лаврового венка, чьи расходящиеся листья окружали голову героев как бы лучами, ввиду чего некоторые производят слово «ореол» от *laureum, laure ola* (лавр, лавровая ветвь (лат.); другие производят его от *aurum* (золото (лат.)). Святой Бернанд говорит, что у дев этот венец бывает золотой. «*Согонam quam nostril majors aureolam vocant, idcirco nominatam...*» (Венцу, который наши предки именуют ореолом, названному так потому... (лат.)).

²⁴ Жезл авгуров вполне походил на епископский посох.

Ведь я Денис²⁵, а ремеслом – святой.
Я Галлии любимой просветитель.
Но я оставил вышнюю обитель,
Увидя Карла, внука моего,
В стране, где не осталось ничего,
Который мирно, позабыв о бое,
Две полных груди гладит на покое.
И я решил прийти на помощь сам
За короля дерущимся бойцам,
Кладя предел скорбям многотревожным.
Зло исцеляют противоположным.
И если Карл для девки захотел
Утратить честь и с нею королевство,
Я изменить хочу его удел
Рукой юницы, сохранившей девство.
Коль к небу вы подымлете главы,
Коль христиане и французы вы,
Для церкви, короля и государства
Вы призваны помочь мне без коварства,
Найти гнездо, где может обитать
Тот феникс, что я должен отыскать».

Так старичок почтенный объяснялся.
Когда он кончил, смех кругом раздался.
Ришмон, насмешник вечный и шутник,
Вскричал: «Клянусь, мой милый духовник,
Мне кажется, вы вздумали напрасно
Покинуть ваш приют весьма прекрасный,
Чтобы отыскивать в стране гуляк
Игрушечку, что цените вы так.
Спасать посредством девственности крепость
Да это вздор, полнейшая нелепость.
Притом не видно дев у нас в краю,
Зато они кишмя кишат в раю!
Свечей церковных в Риме и в Лорете
Не более, чем дев в нагорном свете.
Но вот во Франции – увы! – их больше нет,
В монастырях и то пропал их след.
От них стрелки, сеньоры, капитаны
Давно освободили наши страны;
Подкидышей побольше, чем сирот,
Наделал этот воровской народ.

---

²⁵ Этот Денис, патрон Франции, – святой в духе монахов. Он никогда не бывал в Галлии. См. легенду о нем в «Вопросах по поводу «Энциклопедии» под словом «Денис»: вы узнаете, что сперва он был рукоположен в епископы афинские святым Павлом; что он отправился навестить деву Марию и приветствовал ее по случаю смерти ее сына; что затем он покинул епископство афинское ради парижского; что его повесили и что с высоты своей виселицы он весьма красноречиво проповедовал; что ему отрубили голову, дабы он замолчал, что он взял голову в руки и лобызал ее по дороге, идя основывать аббатство своего имени в миле от Парижа.

Святой Денис, не нужно споров длинных;
В других местах ищите дев невинных».

Угодник покраснел пред наглецом;
Затем, опять на луч вскочив верхом,
Как на коня, не говоря ни слова,
Пришпоривает и взлетает снова,
За безделушкою, милей цветка,
Что так нужна ему и так редка.
Оставим же его; пока он рыщет
Везде, где есть дневным лучам пути,
Читатель-друг, желаю вам найти
Алмаз любви, которого он ищет!

Конец песни первой

Песнь вторая

Иоанна, получив снаряжение от святого Дениса, отправляется к Карлу VII в Тур; что она совершила по пути и как ей был дан патент на звание девы.

Блажен возлегший с девою на ложе!
Добро ему; но волновать сердца,
По-моему, во много раз дороже.
Любимым быть – вот счастье мудреца.
К чему лишать цветок его венца?
Пусть нас Любовь подарит этой розой.
Толковники нам исказили прозой
Прекрасный текст; когда принять их толк,
То с наслажденьем несовместен долг.
Я против них готовлю сочиненье,
Где изложу искусство из искусств,
Как в самом долге черпать наслажденье,
Обуздывая треволненья чувств.
Святой Денис мое поддержит рвенье,
Ко мне склоняясь в горней вышине;
Я пел его, и он поможет мне.
Но, в ожиданье, должен рассказать я
Конец его святого предприятия.

Среди Шампанских невысоких гор,
Где сто столбов, увенчанных гербами²⁶,
«Вы в Лотарингии», – вещают сами,
Был городок, безвестный до тех пор;
Но он стяжал невянущую славу,
Затем что спас французскую державу
И галльских лилий искупил позор.
О Домреми, твои поля и воды
На годы да прославятся и годы!

Твоих холмов убогих не пестрят
Ни апельсин, ни персик, ни мускат,
И твоего вина я пить не стану;
Но Франции ты подарил Иоанну.
Здесь родилась она²⁷: кюре-петух,
Производивший всюду божьих слуг,

---

²⁶ В то время на всех границах Лотарингии были столбы с герцогским гербом, изображавших трех орлят; они были сняты в 1738 году.

²⁷ Она была действительно родом из села Домреми, дочерью Жана д'Арка и Изабо, трактирной служанки двадцати семи лет; таким образом, ее отец вовсе не был священником. Это поэтический вымысел, быть может, недопустимый в предмете важном.

За мессой, за столом, в постели рьяный,
Когда-то инок, был отцом Иоанны;
Стан горничной, дебелий и румяной,
Был формою, в которой отлита
Британцам памятная красота.
В шестнадцать лет при лошадях таверны
Ей отыскали заработок верный,
И в краткий срок о молодой красе
В округе Вокулера знали все.
Решительна осанка, но пристойна;
Огромные глаза пылают знойно;
Зубов блестящих ровно тридцать два;
Гордиться ими вправе ротик алый,
На строгий вкус не маленький, пожалуй,
Но выписанный кистью божества,
Волнующий и яркий, как кораллы.
Грудь смуглая, но тверже, чем скала,
Попу, бойцу и книжнику мила.
Жива, ловка, сильна; в одежде чистой,
Рукою полною и мускулистой
Мешки таскает, в чаши льет вино
Сеньору и крестьянину равно
И мимоходом оплеухи сыплет,
Когда повес нескромная рука
Ее за грудь или за бедра щиплет.
Смеется, трудится до огонька,
Коней впрягает, водит к водопою
Иль, их сжимая стройною ногою,
Летит резвее римского стрелка²⁸.

О глубина премудрости верховной!
Как ты играешь гордостью греховой
Всех величайших, малых пред тобой!
Как малый вознесен твоей рукой!
Святой Денис, служитель верный твой,
По замкам ослепительным не рыщет,
Средь вас, о герцогини, он не ищет,
Денис спешит, – чудно, но это так, –
На поиски невинности в кабак.
Он в самый раз явился, чтобы девству
Обида не была нанесена.
Уже беда грозила королевству.
Известно, сколь коварен Сатана;
И, опоздай святитель на минутку,
Он с Францией сыграл бы злую шутку.

---

²⁸ «Ездила верхом без седла и выказывала мужество, которое обыкновенно девушкам не свойственно», как говорит «Хроника» Монстреле.

Один монах, прозваньем Грибурдон,
Покинувший с Шандосом Альбион,
Был в это время в том же самом месте,
И он решил лишить Иоанну чести.
Разведчик, проповедник, духовник,
Он был бы первым в воровском собрание.
Повсюду он свой нос совать привык;
И был к тому ж искусен в тайном знанье²⁹.
Египетское ведал волшебство,
Что некогда хранилось колдунами,
Еврейскими седыми мудрецами;
Но наши дни утратили его;
Век тьмы, когда не помнят ничего!

Ему поведала его каббала,
Что гибелью Иоанна угрожала
Его друзьям, под юбкою своей
Нося судьбу обоих королей.
И, будучи в союзе с василиском,
Поклялся он ни спать, ни пить, ни есть,
Поклялся чертом и святым Франциском
Бесценный сей палладий³⁰ приобрести,
Над чувствами Иоанны торжествуя;
Он восклицал, гнусавя аллилуйя:
«И родине и церкви послужу я;
Монах и бритт обязан жить, любя
Свою страну и, главное, себя».

У некоего грубого невежды
Явились те же самые надежды,
С правами теми же на страстный пыл
Уж потому, что конюхом он был;
Он предлагал вниманию подруги
Страсть грубую и грубые услуги;
Случайности ежеминутных встреч
Могли бы девушку к нему привлечь,
Но стыд ее торжествовал, по счастью,
Над проникающею в душу страстью.
И Грибурдон опасность увидал:
Как книги, он сердца людей читал.
Он страшного соперника находит
И разговор с ним ласковый заводит:

---

²⁹ Колдовство было тогда так распространено, что сама Иоанна д'Арк была сожжена впоследствии, как колдунья, по ходатайству Сорбонны.

³⁰ Статуя Паллады, с которой была связана судьба Трои; почти у всех народов бывали подобные суеверия.

«Могучий витязь, вы, без лишних слов,
Изрядней всех вам вверенных ослов
И девственницы стоите, конечно;
Как вы, я тоже страстью к ней палим.
Усилия свои соединим;
Я, как и вы, любовник безупречный.
Поделим же сей лакомый кусок,
Который, если ссориться бесплодно,
Из наших рук и ускользнуть бы мог.
Когда меня вам к ней свести угодно,
Я вызову немедля духа сна;
И очи нежные смежит она,
Чтоб бдили мы над ней поочередно».

Взяв книгу черную, монах скорей
Зовет того из сумрачных чертей,
Чье имя было некогда Морфей.
Сонливый бес гостит сейчас в Париже:
Когда поутру модный адвокат
Приводит ряд блистательных цитат, —
Он с судьями кивает лбом все ниже;
А днем внимает проповеди он
Учеников в искусстве Массильона,
Приемам, взвешенным со всех сторон,
Многообразию пустого звона;
И вечером в партере крепко спит.

Он к колеснице, слыша зов, спешит,
И две совы влекут его неслышно
По воздуху в молчанье ночи пышной.
Закрыв глаза, скривив зевотой рот,
Он к ложу девы ощупью бредет
И, грудь ей посыпая маком черным,
Томит ее дыханием снотворным.
Так, уверяли нас, монах Жирар³¹,
Младую исповедуя девицу,
Сумел вдохнуть в нее любовный жар
И похотью воспламенил юницу.

Меж тем, желанья грешного полны,
Монах и конюх, слуги Сатаны,
Стащили с девственницы одеяло;

---

³¹ Иезуит Жирар, уличенный в маленьких вольностях с девицей Кадьер, исповедовавшейся ему, был обвинен в том, что он ее околдовал, дыша на нее. См. объяснения к песни третьей.

Уж кости, по ее скользя груди,
Должны решить, чье место впереди,
Кому из них принадлежит начало.
Монах взял верх: счастливы колдуны;
Его желания распалены,
Он прыгнул на Иоанну; но неожиданно
Денис явился – и встает Иоанна.
Как слаб перед святыми грешный люд!
Соперники в смятении бегут,
И душу им трепещущую жгут
И лютый страх, и замысел злодейский.
Видали, верно, вы, как полицейский
Вступает в дом любви ночной порой:
Любовников раздетых юный рой,
Постели кинув, прыгает с балкона
От мрачных глаз блюстителя закона;
Так наши блудники бегут с тоской.

Денис стремится усмирить волненье
Иоанны, плачущей от возмущенья.
Он говорит: «Избрания сосуд,
Бог королей твоей рукой невинной
Решил отмстить честь Франции старинной
И водворить в их островной приют
Надменных англичан, народ бесчинный.
Бог превращает дуновеньем недр
Трепещущий тростник в ливанский кедр,
Сметает горы, сушит океаны
И воскрешает вымершие страны.
От шага твоего родится гром,
Повиснет ужас над твоим челом,
Ты с огнезарным ангелом победы
О дивной славе поведешь беседы.
Иди, о темной позабудь судьбе, –
Иное уготовано тебе».

При этой речи, грозной и прекрасной,
Весьма духовной и весьма неясной,
Иоанна широко раскрыла рот
И думала – что это он плетет?
Но благодать сильна: от благодати
В ее уме редет мрак понятий,
Как будто там вошло светило дня,
И в сердце – пыл священного огня.
Она теперь не прежняя служанка,
Она – уже герой, она – гражданка.
Так мещанин, досель неприхотлив,

От богача наследство получив,
Дворцом сменяет домик свой смиренный,
Свой скромный вид – развязностью надменной;
Слепит вельможу блеск его щедрот,
И светлостью простак его зовет.

Или, скорей, так швейка молодая,
Которую природа с юных лет
Готовила в бордель или в балет,
Которую кормила мать простая
Для счастья с мужиком в тиши пустынь, –
Когда ее Амур, везде порхая,
Кладет под короля, меж двух простынь,
Меняется в манерах и в походке,
На всех теперь лишь свысока глядит,
И в голосе слышны другие нотки,
И – впору королеве – ум развит.

Решив начать скорее подвиг бранный,
Денис во храм отправился с Иоанной,
И здесь явилась им средь бела дня
(Как нашей Деве это было странно!),
Спустившись с неба, дивная броня.
Из арсенала крепости небесной
Архистратиг великий Михаил
Извлек ее десницею чудесной.
И тут же рядом шлем Деборы был,³²
Гвоздь, что Сисаре голову пронзил;
Булыжник, пущенный пращой Давида
В гиганта отвратительного вида,
И челюсть та, которую Самсон,
Когда возлюбленной был продан он,
Разил врагов с неслыханною силой;
Клинок Юдифи, дивно заострен,
Ужасный дар предательницы милой,
Которым небо за себя отмстило,
Прервав ее возлюбленного сон.
Все это видя, Дева в восхищенье
Стальное надевает облаченье,
Рукою крепкою схватить спешит
Наплечник, наколенник, шлем и щит,
Булыжник, челюсть, гвоздь, клинок кровавый,
Примеривает все и бредит славой.

---

³² Дебора – первая из когда-либо упомянутых женщин-воительниц. Иаиль – другая героиня, вонзила гвоздь в голову полководца Сисары. Гвоздь этот хранится в нескольких православных и католических монастырях вместе с ослиной челюстью, которой пользовался Самсон, пращой Давида и мечом, коим знаменитая Юдифь отрубила голову полководцу Олоферну, или Олферну, сперва разделив с ним ложе.

У героини конь обязан быть;
У злого ль конюха его просить?
И вдруг осел явился перед нею,
Трубя, красуясь, изгибая шею.
Уже подседлан он и взнуздан был,
Пленяя блеском золотых удил,
Копытом в нетерпенье землю роя,
Как лучший конь фракийского героя;
Сверкали крылья на его спине,
На них летал он часто в вышине.
Так некогда Пегас в полях небесных
Носил на крупе девять дев чудесных,
И Гиппогриф, летая на луну,
Астольфа мчал в священную страну.
Ты хочешь знать, кем был осел тот странный,
Подставивший крестец свой для Иоанны?³³
Об этом я потом упомяну,
Пока же я тебя предупреждаю,
Что тот осел довольно близок к раю.

Уже Иоанна на осле верхом,
Уже Денис подхвачен вновь лучом
И за девицей поспешает следом
Приуготовить короля к победам.
То иноходью шествует осел,
То в небесах несется, как орел.
Монах, как прежде, полный сладострастья,
Оправившись от своего несчастья,
Погонщика, посредством тайных сил,
Без промедленья в мула обратил,
Верхом садится, шпорит неустанно,
Клянется всюду гнаться за Иоанной.
Погонщик мулов и отныне мул
По ним рванулся и вперед скакнул;
И дух из грубого такого теста
Едва заметил перемену места.

Иоанна и Денис стремятся в Тур,
Где держит короля в цепях Амур.
Когда настала ночь, под Орлеаном
Пришлось им проезжать британским станом.

---

³³ NB. Читатель, обладающий вкусом, может заметить, что автор, тоже им обладающий и стоящий выше предрассудков, рифмует всегда для слуха, а не для глаз. Вы у него не встретите рифм: «trône» и «bonne», «râte» и «patte», «homme» и «heume». Краткая гласная звучит иначе и произносится не так, как долгая. «Jean» и «chant» произносится одинаково.

Британцы, сильно пьющие досель,
Храпели, просыпая тяжкий хмель;
Прислуга, караул – все было пьяно.
Не слышалось ни труб, ни барабана:
Тот, поперек пажа разлегшись, спит,
А этот нагишом в шатре храпит.

И вот святитель, в справедливом гневе,
Такую речь нашептывает Деве:
«Наверное о Нисе знаешь ты³⁴,
Который под покровом темноты,
Сопутствуем любезным Эвриалом,
Уснувших рутулов разил кинжалом.
И так же Рес могучий был сражен³⁵
В ту ночь, когда отважный сын Тидея,
Союзником имея Одессея,
Преобразил, не повстречав препон,
Спокойный сон троянцев в вечный сон.
Ты можешь ту же одержать победу.
Пойдешь ли ты по доблестному следу?»
Иоанна молвит: «Прекратим беседу;
Нет, низкой доблесть стала бы моя,
Когда бы спящих убивала я».
Так говоря, Иоанна видит рядом
Шатер, залитый лунным серебром,
Рисующийся восхищенным взглядам
По меньшей мере княжеским шатром.
У входа – бочки с дорогим вином.
Она хватает кубок превеликий,
Закусывает жирным пирогом
И чокается с дивным стариком
За здоровье французского владыки.

Хозяином шатра был Жан Шандос³⁶.
Великий воин спал, задравши нос.
Иоанна похищает меч у бритта
И пышные штаны из аксамита.
Так некогда Давид, к его беде,
Царя Саула встретив кое-где,
Не захотел закрыть царевы вежды,
А только вырезал кусок одежды
И показал вельможам тех сторон,
Что мог бы сделать, но не сделал он.

---

³⁴ Эпизод, описанный в «Энеиде».

³⁵ Эпизод из «Илиады».

³⁶ Один из великих полководцев того времени.

Шандосов паж спал тут же безмятежно,
Четырнадцатилетний, милый, нежный.
Он спал ничком. Была обнажена,
Как у Амура, вся его спина.
Невдалеке чернильница стояла,
Служившая ему, когда, бывало,
Поужинав, он песни сочинял
Красавицам, чей взор его пленял,
И вот рисует Дева, шутки ради,
Три лилии на юношеском заде,
Для Галлии обет счастливых дней
И памятник величья королей,
Глаза святого с гордостью следили
На заде бритта рост французских лилий.
Кто поутру обескуражен был?
Шандос, проспавший пиршественный пыл,
Когда увидел на паже красивом
Три лилии. Во гневе справедливом
Он о предательстве заводит речь;
Он ищет возле изголовья меч.
Напрасно ищет; нет его в помине,
Как нет штанов; он, точно лев в пустыне,
Кричит, бранится, думая со сна,
Что в лагерь забирался Сатана.

Стремительно, как солнца луч блестящий,
Осел крылатый, Деву уносящий,
Всю землю мог бы облететь вокруг!
Святой с Иоанной прибыл ко двору.
Денису вмиг подсказывает опыт,
Что здесь царят насмешки, свист и шепот.
Он, вспоминая дерзновенный тон,
В котором с ним беседовал Ришмон,
Не хочет вновь отдать на посмеянье
Епископа святое одеянье.
Для этого прибегнул он к игре:
Он скромный вид и наименованье
Берет Рожера³⁷, твердого в добре,
Усердного и в битве, и во храме,
Советника с правдивыми речами,
Любимого, однако, при дворе.

«Клянусь Христом, – промолвил он владыке, –

---

³⁷ Имя его было не Рожер, а Роберт; ошибка незначительная. Это он в 1429 году привез Иоанну д'Арк в Тур и представил ее королю. Был он добрый шампанец, человек бесхитростный. Его замок стоял возле Бриенна в Шапани. На дверях этого бедного замка я видел его девиз – виноградную лозу с надписью: «Beau, dru et court» (Буквально: «Хорошо, весело и быстро» (франц.). По ней можно судить о тогдашнем остроумии.

Возможно ль, чтоб дремал король великий
В цепях Амура средь таких трущоб!
Как! Ваши руки чужды состязанью!
Ваш лоб, ваш гордый королевский лоб
Венчан лишь миртом, розами да тканью!
Вы грозных оставляете врагов
На троне ваших царственных отцов!
В сражении умрите смертью славной
Иль сатанинских изничтожьте слуг;
Достойны вы носить венец державный,
И лавры ожидают ваших рук.
Господь, чей дух во мне отвагу будит,
Господь, который помогать вам будет,
Через меня вещает о судьбе.
Решитесь верить и помочь себе:
Последуйте за этой девой смелой;
То Франции спасительница целой;
Ее рукой вернет нам царь царей
Законы наши, наших королей.
Иоанна с вашей помощью изгонит
Врага, который страшен и жесток;
Мужчиной станьте; и когда сам рок
Вас юной деве подчиниться клонит,
По крайней мере, избегайте той,
Что в сердце гасит пламень боевой,
А, веруя в чудесное спасенье,
Спешите вслед за приносящей мщенье».

У короля французов в сердце есть
Не только томный пламень, но и честь.
Суровый голос старого витии
Его исторг из сонной летаргии.
Так в некий день, средь тверди голубой,
Архангел, потрясая мир трубой,
Прах оживляя, гробы разверзая,
Пробудит мертвых к ликованью рая.
Карл пробужден, он яростью кипит,
В ответ на речь он восклицает: «К бою!»
Он увлечен теперь одной войною,
Хватает пику и хватает щит.

Но тотчас же за первой вспышкой гнева,
Которым чувства в нем опьянены,
Он хочет знать: таинственная дева –
Посланница творца иль Сатаны,
И это столь нежданное явленье –
Святое чудо или наважденье.

К надменной деве обратив вопрос,
Он величавым тоном произнес
Слова, какими всякая смутится:
«Иоанна, слушайте, а вы – девица?»
Она в ответ: «Велите, я снесу,
Чтоб доктора с очками на носу,
Аптекарь, бабка и писец случайный
Те женские исследовали тайны;
И кто еще знаток по тем делам,
Пусть подойдет и пусть посмотрит там».
Карл в этой речи, мудрой и смиренной,
Ответ увидел боговдохновенный.
Он молвил: «Чтоб поверил я вполне,
Скорей, не думая, скажите мне,
Чем в эту ночь я с милой занимался».
Но коротко: «Ничем!» – ответ раздался.
Склонился Карл пред Божиим перстом
И крикнул: «Чудо» – осенясь крестом.
Выходят, меховым кичась убором,
Ученые, в руке их Гиппократ,
Колпак на голове; они глядят
На девушку, открытую их взорам³⁸
Совсем нагой, и господин декан,
Вотще искав какой-нибудь изъян,
Вручает миловидной внучке Евы
Пергаментный патент на званье девы.

Священной гордости горя огнем,
Она склоняется пред королем
И, внемля свиты радостному кличу,
Развертывает славную добычу –
Штаны Шандоса, скрытые дотоль.
«Позволь мне, – говорит, – о мой король,
Вернуть под власть твою, твои законы,
Ту Францию, где ныне скорбь и стоны.
Клянусь, я превзойду твои мечты:
Клянусь тебе моей чудесной силой,
Моим мечом и девственностью милой,
Что будешь в Реймсе коронован ты;
Ты прилетишь грозою к англичанам,
Которые стоят под Орлеаном.
Иди, взнесись до дивной высоты;
Иди, простившись с тихою рекою,
И мне дозволь повсюду быть с тобою».

---

³⁸ Действительно, врачи и почтенные женщины исследовали Иоанну и признали ее девственной.

Придворные теснятся перед ней,
С нее и с неба не сводя очей,
Ей хлопают, дивятся, ободряют,
Восторгом бурным зову отвечают.
И каждый, поднимающий копье,
Оруженосцем хочет быть ее.
Жизнь за нее отдать согласен каждый,
И в то же время каждый одержим
Мечтой о славе и палящей жаждой
Отнять тот клад, что ею так храним.
Все в путь готовы, всякий суетится:
Один спешит с любовницей проститься,
Тот, отощав, к ростовщику идет,
Тот, не платя, свой разрывает счет.
В руке Дениса орифламма³⁹ реет.
При этом виде в сердце Карла зреет
Высокая надежда. Грозный стяг,
Перед которым убегает враг,
Иоанна и осел, парящий в небе,
Ему бессмертный обещают жребий.

Денис хотел, бросая этот кров,
Лишить любовников прощальных слов,
Чтоб слез они зазря не проливали
И времени напрасно не теряли.
Агнеса, не подозревая зла,
Хоть был и поздний час, еще спала.
Счастливый сон, пленительный и лгущий,
Ей рисовал восторг, ее бегущий,
Ей снилось, что с любовником своим
Она любви вкушает наслажденье;
Ты обмануло, сладкое виденье:
Ее любовник уведен святым.
Так иногда в Париже врач бездушный
На жирные блюда кладя запрет,
Больному не дает доесть обед,
К его прожорливости равнодушный.

Добряк Денис, насилие оторвав
Монарха от пленительных забав,
Бежит скорей к своей овечке милой,
К Иоанне, девственнице с львиной силой.
Теперь он снова, как и был, святой:
Тон набожный, смиренные повадки,
Жезл пастыря и перстень золотой,

---

³⁹ Знамя, принесенное ангелом в аббатство Сен-Дени и бывшее некогда в руках графов Вексенских.

Епископская митра, крест, перчатки.
«Служи, – сказал он, – храбро королю
И знай, что я тебя навек люблю.
Но с лаврами отваги горделивой
Сплетай цветы невинности стыдливой.
Твои стопы направлю в Орлеан.
Когда Тальбот, начальник англичан,
Возрадуется сердцем злого зверя,
В свое свиданье с президентшей веря,
Твоя рука швырнет его во тьму.
Но, грех казня, не подражай ему.
Отважна будь, но с набожною думой.
Теперь прощай; о девственности думай».
Она дала торжественный обет,
И пастырь возвратился в горний свет.

Конец песни второй

Песнь третья

Описание дворца Глупости. Сражение под Орлеаном. Агнеса, облачившись в доспехи Иоанны, отправляется к своему возлюбленному; она попадает в плен к англичанам, и стыдливость ее весьма страдает.

Еще не все – быть смелым и спокойным,
Встречая смерть в пороховом дыму,
И хладнокровно в грохоте нестройном
Командовать отряду своему;
Везде героев мы нашли бы тьму,
И каждый был бы воином достойным.
Кто скажет мне, что Франции сыны
Искусней и бестрепетней убийцы,
Чем дети гордой английской страны?
Иль что германцев выше иберийцы?
Все били, все бывали сражены.
Конде великий был разбит Тюренном⁴⁰,
Виллар бежал с позором несомненным⁴¹,
И, Станислава доблестный оплот,
Солдат венчанный, шведский Дон-Кихот,
Средь смельчаков смельчак необычайный,
Не уступил ли северный король
Сопернику, презренному дотоль,
Победный лавр во глубине Украйны?⁴²
По-моему, полезнее вождям
Уменьше очаровывать невежду:
Облечь себя в священную одежду
И ею ослеплять глаза врагам.
Так римляне – мир падал к их ногам –
Одолевали при посредстве чуда.
В руках у них была пророчеств гряда.
Юпитер, Марс, Поллукс, весь сонм богов
Водили их орла громить врагов.
Вакх, в Азию низринувшийся тучей,
Надменный Александр, Геракл могучий,
Чтоб над врагами властвовать верней,
За Зевсовых сходили сыновей:
И перед ними чередой смиренной
Клонились в прах властители вселенной,
На них взирая робко издали.

Дениса те примеры увлекли,

---

⁴⁰ В знаменитой битве при Дюнах, около Дюнкирхена.

⁴¹ При Мальплакэ, около Монса, в 1709 году.

⁴² Также в 1709 году.

И он хотел, чтобы его Иоанне
Те ж почести воздали англичане,
Чтобы Бедфорд и влюбчивый Тальбот,
Шандос и весь его безбожный род
Поверили, что грозная девица –
Карающая божия десница.

Чтоб этот смелый план его прошел,
Бенедиктинца он себе нашел,
Но не из тех, чьи книжные громады
Всей Франции обогащают склады,
А мелкого, кому и книг не надо,
Когда латинский требник он прочел.
И брат Лурди, слуга смиренный богу,
Снаряжен был в далекую дорогу.

На вечно мрачной стороне луны
Есть рай, где дураки расселены⁴³.
Там, на откосах пропасти огромной,
Где только Хаос, только Ночь и Ад
С начала мироздания царят
И силою своей кичатся темной,
Находится пещерная страна,
Откуда благость солнца не видна,
А виден, вместо солнца, свет ужасный,
Холодный, лживый, трепетный, неясный,
Болотные огни со всех сторон,
И чертовщиной воздух населен.
Царица Глупость властвует странною:
Ребенок старый с бородой седою,
Кося и, как Данше, разинув рот,⁴⁴
Гремушкой вместо скипетра трясет.
Невежество – отец ее законный,
А чада, что стоят под сенью тронной, –
Упрямство, Гордость, Леность и затем
Наивность, доверяющая всем.
Ей каждый служит, каждый ей дивится,
И мнит она, что истинно царица,
Хотя на деле Глупость – только тень,
Пустышка, погружившаяся в лень:
Ведь Плутня состоит ее министром,

---

⁴³ Прежде «раем безумных», «раем глупцов» называли лимб; и в нем помещали души слабоумных и маленьких детей, умерших без крещения. «Лимб» значит «край», «кайма»; и считалось, что этот рай расположен на краю луны. О нем говорит Мильтон: у него дьявол проходит через рай глупцов: «the paradise of fools».

⁴⁴ Это, по-видимому, намек на знаменитые стихи Руссо: Ты предо мной, простак Данше, Глаза навывкат, рот разинут. «Рот, как у Данше», стало чем-то вроде пословицы. Этот Данше был посредственный поэт, написавший несколько театральных пьес и т. п.

Все делается этим другом быстрым,
А Глупость слушается целый день.
Он ко двору ее приблизил скопы
Тех, что умеют делать гороскопы,
Чистосердечно лгущих каждый час,
И простаков, и жуликов зараз.

Алхимиков там повстречаешь тоже,
Что ищут золота, а без штанов,
И розенкрейцеров, и всех глупцов,
Для богословья лезущих из кожи.

Посланником в сию страну чудес
Лурди был выбран из своих собратий.
Когда закрыла ночь чело небес
Завесою таинственных заклятий,
В рай дураков⁴⁵ на легких крыльях сна
Его душа была вознесена.
Он удивляться не любил некстати
И, будучи уже при том дворе,
Все думал, что еще в монастыре.

Сперва он погрузился в созерцанье
Картин, украсивших святое зданье.
Какодемон, воздвигший этот храм,
Царапал для забавы по стенам
Наброски, представляющие верно
Все наши сумасбродства, планов тьму,
Задуманных и выполненных скверно,
Хоть «Вестник» хвалит их не по уму.
В необычайнейшем из всех музеев,
Среди толпы плутов и ротозеев
Шотландец Лоу прежде всех поспел;
Король французов новый, он надел
Из золотой бумаги диадему
И написал на ней свою систему;⁴⁶
И не найдете вы руки щедрей
В раздаче людям мыльных пузырей:
Монах, судья и пьяница отпетый
Из алчности несут ему монеты.

---

⁴⁵ Это лимб, измышленный, как говорят, неким Петром Хризологом. Туда отправляют маленьких детей, умерших без крещения, ибо, если они умрут пятнадцати лет, им уже нетрудно заслужить вечную муку.

⁴⁶ Знаменитая система господина Ласса, или Лоу, шотландца, разорившая стольких во Франции за годы с 1718 по 1720, оставила роковые следы, и они еще давали себя знать в 1730 году, когда, по нашему мнению, автор начал эту поэму.

Какое зрелище! Одна из пар –
С достаточным Молиной Эскобар;⁴⁷
Хитрец Дусен, приспешник иезуита,
Стоит с чудесной буллою раскрытой,
Ее творец⁴⁸ склоняется над ним.
Над буллою той смеялся даже Рим,
Но все ж она источник ядовитый
Всех наших распрей, наших крикунов
И, что еще ужаснее, томов,
Отравой полных ереси негодной,
Отравой и снотворной и бесплодной.

Беллерофонты новые легки,
Глаза закрывши, на химерах рыщут,
Своих противников повсюду ищут,
И, вместо бранных труб, у них свистки;
Неистово, кого, не видя сами,
Они разят с размаху пузырями.
О, сколько, господи, томов больших,
Постановлений, объяснений их,
Которые ждут новых объяснений!

О летописец эллинских сражений,
Воспевший также в мудрости своей
Сражения лягушек и мышей,
Из гроба встань, иди прославить войны,
Рожденные той буллою беспокойной!
Вот янсенист, судьбы покорный сын.
Потерянный для вечной благодати;
На знамени – блаженный Августин;
Он «за немногих» вышел против рати⁴⁹
И сотня согнутых спешит врагов
На спинах сотни маленьких попов.

Но полно, полно! Распри, прекратитесь!
Дорогу, простофили! Расступитесь!
В Медардовом приходе видит взор
Могилы бедный и простой забор,
Но дух святой свои являет силы

---

⁴⁷ Казуисты Эскобар и Молина широко известны по превосходным «Провинциальным письмам»; автор называет здесь этого Молину «достаточным», намекая на благодать достаточную и непостоянную, по поводу которой он создал систему столь же нелепую, как и система его противника.

⁴⁸ Ле Телье – иезуит, сын стряпчего из Вира в Нижней Нормандии, духовник Людовика XIV, автор «Буллы» и виновник всех волнений, ею вызванных, изгнанный во время Регентства и память коего теперь ненавистна. Отец Дусен был его первый советник.

⁴⁹ Янсенисты говорят, что Мессия пришел только для немногих.

Всей Франции из мрака той могилы,⁵⁰
За исцеленьем к ней спешит слепой
И ощупью идет к себе домой;
Приводят к ней несчастного хромого,
Он прыгает и вдруг хромает снова;
Глухой стоит, не слыша ничего;
А простаки кричат про торжество,
Про чудо явленное, и ликуют,
И доброго Париса гроб целуют,⁵¹
А брат Лурди глядит во все глаза
На их толпу и славит небеса,
Хохочет глупо, руки поднимая,
Дивится, ничего не понимая.

А вот и тот святейший трибунал,
Где властвуют монах и кардинал,
Дружина инквизиторов ученых,
Ханжами-сыщиками окруженных.
Сидят святые эти доктора
В одеждах из совиного пера;
Ослиные на голове их уши,
И, чтобы взвешивать, как должно, души,
Добро и зло, весы у них в руках,
И чашки глубоки на тех весах.
В одной – богатства, собранные ими,
Кровь кающихся чанами большими,
А буллы, грамоты и ектеньи
Ползут через края второй бадьи.
Ученейшая эта ассамблея
На бедного взирает Галилея,⁵²
Который молит, на колени став:
Он осужден за то лишь, что был прав.
Что за огонь над городом пылает?
То на костре священник умирает.
Двенадцать шельм справляют торжество:
Юрбен Грандье горит за колдовство.⁵³

---

⁵⁰ Здесь подразумеваются конвульсионеры и чудеса, засвидетельствованные множеством янсенистов, чудеса, перечисленные в обширном труде Карре-де-Монжероном, поднесшим этот труд Людовику XV.

⁵¹ Добряк Парис был слабоумный диакон; однако, как один из самых ярких и влиятельных среди простонародья янсенистов, он почитался этим простонародьем за святого. В 1724 году вздумали ходить молиться на могиле этого чудака, на кладбище при одной из парижских церквей, сооруженной во имя святого Медарда, впрочем, мало известного. Этот святой Медард никогда не творил чудес; но аббат Парис сотворил их множество. Наиболее замечательно воспетое герцогиней де Мен в следующей песне: Чистильщик, воин божьей рати, На ногу левую хромец, Сподобясь дивной благодати, Стал хром на обе наконец. Святой Парис сотворил триста или четыреста чудес в этом роде; если бы ему позволили, он бы воскрешал мертвых; но вмешалась полиция; отсюда известное двустишие: – В сем месте чудеса творить ты не изволь! – Так богу приказал король.

⁵² Галилей, основатель философии в Италии, был осужден инквизиционным судом, посажен в тюрьму и подвергнут весьма суровому обращению не только как еретик, но и как невежда, за то, что он доказал вращение земли.

⁵³ Юрбен Грандье, луденский священник, приговоренный комиссией королевского совета к сожжению за то, что вселил диавола в нескольких монахинь. Некий Ла Менардэ был настолько глуп, что издал в 1749 году книгу, в которой он тщится

И ты, прекрасная Элеонора,⁵⁴
Парламент надругался над тобой,
Продажная, безграмотная свора
Тебя в огонь швырнула золотой,
Решив, что ты в союзе с Сатаной.
Ах, Глупость, Франции сестра родная!
Должны лишь в ад и папу верить мы
И повторять, не думая, псалмы!
А ты, указ, плод отческой заботы,
За Аристотеля и против рвоты!⁵⁵

И вы, Жирар, мой милый иезуит,⁵⁶
Пускай и вас перо мое почтит.
Я вижу вас, девичий исповедник,
Святоша нежный, страстный проповедник!
Что скажете про набожную страсть
Красавицы, попавшей в вашу власть?
Я уважаю ваше приключение;
Глубоко человечен ваш рассказ;
В природе нет такого преступления,
И столькие грешили больше вас!
Но, друг мой, удивлен я без предела,
Что Сатана вмешался в ваше дело.
Никто из тех, кем вы очернены,
Монах и поп, писец и обвинитель,
Судья, свидетель, враг и покровитель,
Ручаюсь головой, не колдуны.

Лурди взирает, как парламент разом
Посланья двадцати прелатов жжет
И уничтожить весь Лойолин род
Повелевает именным указом;
А после – сам парламент виноват:
Кенель в унынье, а Лойола рад.
Париж скорбит о строгости столь редкой

доказать истинность этой одержимости.

⁵⁴ Элеонора Галигаи, весьма знатная девица, приближенная королевы Марии Медичи и ее придворная дама, супруга флорентийца Кончино Кончини, маркиза д'Анкр, маршала Франции, была не только обезглавлена на Гревской площади в 1617 году, как сказано в «Хронологическом обзоре истории Франции», но и сожжена как ведьма, а имущество ее отдано врагам. Нашлось только пять советников, возмущенных этой ужасной нелепостью и не пожелавших присутствовать при приведении приговора в исполнение.

⁵⁵ При Людовике XIII парламент запретил, под страхом ссылки на галеры, излагать какое-либо другое учение, кроме Аристотелева, а затем запретил рвотное, не угрожая, однако, галерами ни врачам, ни больным. Людовик XIV в Кале исцелился при помощи рвотного, и постановление парламента утратило свое значение.

⁵⁶ История иезуита Жирара и девицы Кадьер достаточно известна; иезуит был приговорен к сожжению как колдун одной половиной эссского парламента и оправдан другою.

И утешает душу опереткой.
О Глупость, о беременная мать,
Во все века умела ты рождать
Гораздо больше смертных, чем Кибела
Бессмертных некогда родить умела;
И смотришь ты довольно, как их рать
В моей отчизне густо закишела;
Туп переводчик, толкователь туп,
Глуп автор, но читатель столь же глуп.
К тебе взываю, Глупость, к силе вечной:
Открой мне высших замыслов тайник,
Скажи, кто всех безмозглей в бесконечной
Толпе отцов тупых и плоских книг,
Кто чаще всех ревет с ослами вкупе
И жаждет истолочь водицу в ступе?
Ага, я знаю, этим знаменит
Отец Бертье, почтенный иезуит.

Пока Денис, о Франции радея,
Подготовлял с той стороны луны
Во вред врагам невинные затеи,
Иные сцены были здесь видны,
В подлунной, где народ еще глупее.
Король уже несется в Орлеан,
Его знамена треплет ураган,
И, рядом с королем скача, Иоанна
Твердит ему о Реймсе неустанно.
Вы видите ль оруженосцев ряд,
Цвет рыцарства, чарующего взгляд?
Поднявши копья, войско рвется к бою
Вослед за амазонкою святою.
Так точно пол мужской, любя добро,
Другому полу служит в Фонтевро,⁵⁷
Где в женских ручках даже скипетр самый
И где мужчин благословляют дамы.

Прекрасная Агнеса в этот миг

---

⁵⁷ Фонтевро, или Фонс-Эбральди, местечко в Анжу, в трех милях от Сюмора, известное знаменитым женским аббатством (главою Ордена), воздвигнутым Робертом д'Арбрисселем, родившимся в 1047 году и умершим в 1117 году. Основав скиты в лесу Фонтевро, он обошел босиком все королевство, дабы побудить к покаянию блудниц и привлечь их в свой монастырь; он обратил таким образом многих, между прочим и в городе Руане. Он убедил знаменитую королеву Бертраду постричься в монастыре Фонтевро и утвердил свой Орден по всей Франции. Папа Пасхалий II принял его под покровительство святейшего престола в 1106 году. Незадолго до смерти Роберт поставил генералом Ордена некую даму по имени Петронилла дю Шемиль и пожелал, чтобы в должности главы Ордена всегда женщина наследовала женщине, одинаково начальствуя как над монахинями, так и над монахами. Тридцать четыре или тридцать пять игумений сменило до сего времени Петрониллу; среди них насчитывают четырнадцать принцесс, в том числе пять из Бурбонского дома. См. об этом у Сент-Марта, в четвертом томе «Gallia Christiana» и «Clypeus ordinis Fontebaldensis» («Христианская Галлия» и «Щит Фонтенбральдинского ордена» (лат.) отца дела Мэнферма.

К ушедшему протягивала руки,
Не в силах победить избытка муки,
И смертный холод в сердце ей проник;
Но друг Бонно, всегда во всем искусный,
Вернул ее к действительности грустной.
Она открыла светлые глаза,
И за слезою потекла слеза.
Потом, склонясь к Бонно, она шепнула:
«Я понимаю все: я предана.
Но, ах, на что судьба его толкнула?
Такая ль клятва мне была дана,
Когда меня он обольщал речами?
И неужели я должна ночами
Без милого ложиться на кровать
В тот самый миг, когда Иоанна эта,
Не бриттов, а меня лишая света,
Старается меня оклеветать?
Как ненавижу тварей я подобных,
Солдат под юбкой, дев мужеподобных,⁵⁸
Которые, приняв мужскую статью,
Утратив то, чем женщины пленяют,
И притязая тут и там блистать,
Ни тот, ни этот пол не украшают!»
Сказав, она краснеет и дрожит
От ярости, и сердце в ней болит.
Ревнивым пламенем сверкают взоры;
Но тут Амур, на все затеи скорый,
Внезапно ей внушает хитрый план.

С Бонно она стремится в Орлеан,
И с ней Алиса, в качестве служанки.
Они достигли к вечеру стоянки,
Где, скачкой утомленная чуть-чуть,
Иоанна захотела отдохнуть.
Агнеса ждет, чтоб ночь смежила вежды
Всем в доме, и меж тем разузнает,
Где спит Иоанна, где ее одежды,
Потом во тьме тихонечно идет,
Берет штаны Шандоса, надевает
Их на себя, тесьмою закрепляет
И панцирь амазонки похищает.
Сталь твердая, для боя создана,
Терзает женственные рамена,
И без Бонно упала бы она.

---

⁵⁸ Надо полагать, что автор имеет в виду героинь Ариоста и Тасса. Они, вероятно, были несколько неряшливы; но рыцари не слишком приглядывались.

Тогда Агнеса шепотом взывает:
«Амур, моих желаний господин,
Дай мощь твою моей руке дрожащей,
Дай не упасть мне под броней блестящей,
Чтоб этим тронулся мой властелин.
Он хочет деву, годную для боя, –
Молю, Агнесу преврати в героя!
Я буду с ним; пусть он позволит мне
Бок о бок с ним сражаться на войне;
И в час, когда помчатся стрелы тучей,
Ему грозя кончиной неминучей,
Пусть поразят они мои красы,
Пусть смерть моя продлит его часы;
Пусть он живет счастливым, пусть умру я,
В последний миг любимого целуя!»
Пока она твердила про свое,
Бонно к седлу ей прикрепил копьё...
А Карл был лишь в трех милях от нее!

Агнеса захотела той же ночью
Возлюбленного увидеть воочью.
Стопой неверною, кляня броню,
С трудом бедняжка тащится к коню,
В седло садится с помраченным взглядом
И с расцарапанным штанами задом.
Толстяк Бонно на боевом коне
Похрапывает тут же в стороне.
Амур, боясь всего для девы милой,
Посматривает на отъезд уныло.

Едва Агнеса путь свой начала,
Она услышала из-за угла,
Как мчатся кони, как бряцают латы.
Шум ближе, ближе; перед ней солдаты,
Все в красном; в довершение невзгод
То был как раз Шандосов конный взвод.
«Кто тут?» – раздалось у опушки леса.
В ответ на крик наивная Агнеса
Откликнулась, решив, что там король:
«Любовь и Франция – вот мой пароль!»
При этих двух словах, – а божья сила
Узлом крепчайшим их соединила, –
Схватили и Агнесу и Бонно,
И было их отправить решено
К тому Шандосу, что, ужасен с виду,
Отмстить поклялся за свою обиду

И наказать врагов родной страны,
Укравших меч героя и штаны.
В тот миг, когда уже освободила
Рука дремоты сонные глаза,
И зазвучали пташек голоса,
И в человеке вновь проснулась сила,
Когда желанья, вестники любви,
Кипят бурливо в молодой крови, –
В тот миг Шандос увидел пред собою
Агнесу, что затмила красотою
Рассветный луч, горящий в каплях рос.
Скажи мне, что ты чувствовал, Шандос,
Увидев королеву нимф приветных
Перед тобой в твоих штанах заветных?

Шандос, любовным пламенем объят,
К ней устремляет похотливый взгляд.
Дрожит Агнеса, слушая, как воин
Ворчит: «Теперь я за штаны спокоен!»
Сперва ее он заставляет сесть.
«Снимите, – говорит он в нетерпенье, –
Тяжелое, чужое снаряженье».
И в то же время, предвкушая месть,
Ее раскутывает, раздевает.
Агнеса, защищаясь, умоляет,
С мечтой о Карле, но в чужих руках.
Прелестный стыд пылает на щеках.
Толстяк Бонно, как утверждает говор,
Шандосу послужить пошел как повар;
Никто, как он, не мог украсить стол:
Он белые колбасы изобрел
И Францию прославил перед миром
Жигу на углях и угревым сыром.

«Сеньор Шандос, что делаете вы? –
Агнеса стонет жалобно. – Увы!»
«Клянусь, – в ответ он (все клянутся бритты),⁵⁹
Меня обидел вор, в ночи сокрытый.
Штаны – мои; и я, ей-богу, рад
Свое добро потребовать назад».
Так молвить и сорвать с нее одежды –
Был миг один; Агнеса, без надежды,
Припав в слезах к могучему плечу,

---

⁵⁹ Англичане ругаются: «by God! God Damn me! Blood!» и т. д.; немцы: «sacrament»; французы – словом, относящимся к ругани итальянцев, как действие к оружию; испанцы: «voto a Dios». Один почтенный францисканец написал книгу о ругани всех народов, которая будет, вероятно, весьма точна и весьма поучительна; в настоящее время она печатается.

Стонала только: «Нет, я не хочу».
Но тут раздался шум невероятный,
Повсюду слышен крик: «Тревога, в бой!»
Труба, предвестник ночи гробовой,
Трубит атаку, звук бойцам приятный.
Встав поутру, Иоанна не нашла
Ни панциря,⁶⁰ ни ратного седла,
Ни шлема с воткнутым пером орлиным,
Ни гульфика, потребного мужчинам;⁶¹
Не думая, она хватается вдруг
Вооруженье одного из слуг,
Верхом садится на осла, взывая:
«Я за тебя отмщу, страна родная!»
Сто рыцарей за нею вслед спешат
В сопровожденье шестисот солдат.

А брат Лурди, заслышав шум тревоги,
Оставил вечной Глупости чертоги
И опустился между англичан,
Согнув под ношей свой дородный стан:
Он на себя различный вздор навьючил,
Труды монахов и безмозглых чучел.
Так нагружен, он прибыл и тотчас
Широкий плащ старательно потряс
Над бриттами, и лагерь их погряз
В святом невежестве, в дремоте жирной,
Давно привычных Франции обширной.
Так ночью сумрачное божество
С чернеющего трона своего
Бросает вниз на нас мечты и маки
И усыпляет нас в неверном мраке.

Конец песни третьей

---

⁶⁰ Панцирь, кольчуга – это доспех с рукавами и нагрудником, состоящим из железных колец, покрытых иногда шелком или белой шерстью. Панцирными ленами назывались те, сеньоры которых имели право носить кольчугу.

⁶¹ Гульфик или брагетта – от «braue», «brassa». В те времена носили длинные гульфики, спускавшиеся от штанов; и часто в них лежал апельсин, который преподносили дамам. Рабле упоминает о превосходной книге, озаглавленной: «О достоинстве гульфиков». Это была отличительная привилегия благородного пола; вот почему Сорбонна ходатайствовала о сожжении Девственницы, которая позволила себе носить штаны с гульфиком. Шесть французских епископов, при участии епископа Винчестерского, приговорили ее к сожжению, что было вполне справедливо: жаль, что это случается не столь уж часто; но не следует ни в чем отчаиваться.

Песнь четвертая

Иоанна и Дюнуа сражаются с англичанами. Что с ними происходит в замке Гермафродита.

Будь я царем, не знал бы я коварства.
Я мирно бы народом управлял
И каждый день мне вверенное царство
Благодеем новым одарял.
Будь государственным я человеком,
Порадовал бы я и там и тут
Талантливых людей пристойным чеком;
Ведь, правда, стоит этого их труд.
Будь я епископ несколько минут,
Я постарался б вслед за молинистом
Договориться с грубым янсенистом.
Но если б я прелестницу любил,
Я с нею никогда б не расставался,
Чтоб праздником день каждый начинался,
Чтоб вечно новым этот праздник был,
Поддерживая в ней любовный пыл.
Любовники, как горько расставанье!
В нем множество опасностей для вас,
И можете вы заслужить названье
Рогатого на дню по десять раз.

Едва Шандос последние завесы
Сорвал с дрожащих прелестей Агнесы,
Как вдруг Иоанна из рядов в ряды
Несется воплощением беды.
Непобедимое копьё Деборы
Пронзило Дильдо грозного, который
Уворовал сокровища Клерво
И осквернил монахинь Фонтевро.
Потом второй удар, такой же ловкий,
Сбил Фонкинара, годного к веревке;
Хоть он и был на севере рожден,
В Гибернии, где снег со всех сторон,
Но, словно отпрыск южного народа,
Во Франции повесничал три года.
Затем погиб и рыцарь Галифакс,
И брат его двоюродный Боракс,
И Мидарблу, родителя проклявший,
И Бартонэй, жену у брата взявший.
И каждый, кто с ней рядом мчался в бой, –
И рыцарь знатный, и солдат простой,
Копьем с десятков англичан пронзает.

Смерть мчится сзади, страх опережает:
Могло казаться в тот ужасный миг,
Что грозный бог сражается за них.
В разгаре брани, в пекле битвы шумной
Наш брат Лурди взывает, как безумный:
«Дрожите, бритты! Девушка она,
Святым Денисом вооружена.
Да, девушка, и чудеса свершает,
Ее рука препятствия не знает;
Пади же ниц, грязь английская вся,
Ее благословения прося!»
Неистовый Тальбот, не зная страха,
Приказывает захватить монаха;
Его связали, но, мученьям рад,
Не устает вопить смиренный брат:
«Я мученик; британец гордый, ведай,
Что девственность останется с победой!»

Наивны люди; в слабых их сердцах
Все оставляет след, как в мягкой глине.
Всего же легче, кажется, поныне,
Ошеломить нас и внушить нам страх!
Добряк Лурди своим ужасным криком
Гораздо больше напугал солдат,
Чем амазонка в наступленье диком
И все герои, что за ней летят.
Привычка верить чуду без сомнений,
Дух заблуждений, головокружений,
Видений без начала и конца,
Совсем смутил британские сердца.
Британцы знали боевые громы,
Но были с философией они
В те времена не очень-то знакомы, –
Встречаешь умных только в наши дни.

Шандос, уверенный в удачном бое,
Кричит своим: «Британские герои,
За мной, направо!» Он сказал, но тут
Все повернули влево и бегут.
Так некогда в равнине плодородной,
Там, где Евфрат струится многоводный,
Когда решил людской надменный род
Воздвигнуть столп до божиих высот,⁶²

---

⁶² Как известно, Вавилонская башня была воздвигнута сто двадцать лет спустя после всемирного потопа. Иосиф Флавий полагает, что она была построена Немродом, или Немвродом; добросовестный отец Кальме дал разрез этой башни, воздвигнутой до двенадцатого этажа, и украсил свой «Словарь» гравюрами в таком же роде, согласно с памятникам и; книга ученого еврея Иалеуса полагает Вавилонской башне двадцать семь тысяч шагов высоты, что весьма правдоподобно;

Бог, этого соседства не желая,
В сто языков язык их превратил.
Кому была нужна вода простая,
Тому сосед известку подносил,
И весь народ, осмеян богом сил,
Рассеялся, постройку оставляя.

Тотчас же осажденный Орлеан
Узнал про поражение англичан:
Летит молва на легких крыльях птицы,
Повсюду славя доблести девицы.
Вы знаете великолепный пыл
Французов; он всегда таким же был.
Они идут на битву, как на праздник.
Бастардов украшенья, Дюнуа, –
За Марса приняла б его молва, –
За ним Сентрайль, Ла Гир, Ришмон-проказник
И Ла Тримуйль спешат из стен в луга
И, будто бы преследуя врага,
Кричат: «Кому здесь жизнь не дорога?»
Но враг их поджидал: за воротами
Тальбот, весьма благоразумный вождь,
Учтя их возрастающую мощь,
Расположился с десятью полками.

Он, руки к небу страстно вознося,
Амуром и Георгием клялся,
Что скоро въедет в город осажденный.
Жила мечта в нем, нет, пожалуй, две:
Давно пылала страстью потаенной
К нему супруга толстого Луве.
И гордый воин, смелый и упрямый,
Мечтал владеть и городом и дамой.
Лишь выступили рыцари, и вот
Им на голову падает Тальбот;
Они смешались, и борьба идет.
Равнины орлеанские, вы были
Свидетелями тягостных усилий,
Кровь человечья веществом своим
Вас унавозила на двести зим.
Нет, никогда ни Мальплакэ,⁶³ ни Зама,

некоторые путешественники видели остатки этой башни. Святой патриарх Александр Евтихий утверждает в своей «Летописи», что эту башню строили семьдесят два человека. Это было, как известно, временем смешения языков: пресловутый Бекан замечательно доказывает, что больше всего древнееврейских слов сохранилось во фламандском языке.

⁶³ В этой битве двадцать восемь тысяч семьсот человек легло не на месте, как говорит один историк, а в грязи и крови. Их сосчитал маркиз де Кревкёр, адъютант маршала де Виллара, которому было поручено похоронить мертвых. (См. «Век Людовика XIV», год 1709.)

Ни сам Фарсал, классическая яма,⁶⁴
Все знаменитые места боев
Не видели так много мертвецов.
И друг о друга копья ударялись
И, словно щепки, пополам ломались;
Копыта вздыбившихся лошадей
Давили обезумевших людей;
Сноп огней, рождаясь под мечами,
С полуденными спорили лучами;
Отрубленные, посреди травы,
Катались руки, ноги и главы.

С высот небесных ангелы сраженья,
Надменный Михаил и тот, другой,
Что персов усмирил своей рукой,⁶⁵
Склонились вниз, полны благоволения,
И наблюдали этот страшный бой.

Архангел в руку взял весы закона,⁶⁶
Какими взвешивают в небесах;
И вот уже лежат на тех весах
Судьба и Франции и Альбиона.
Герои наши, взвешенные тут,
Не вытянули надобного счета,
Их перевесила судьба Гальбота;
Так порешил небесный тайный суд.
Ришмон, усердно несший ратный труд,
Пронзен стрелой от задницы до ляжки;
Старик Сентрайль был сильно ранен в пах,
Куда – Ла Гир, не назову я, ах!

---

⁶⁴ Заметьте, что в битве при Заме между Публием Сципионом и Ганнибалом принимали участие французы, служившие, согласно Полибию, в карфагенской армии. Полибий, современник и друг Сципиона, говорит, что число с обеих сторон было равно; кавалер де Фолар с этим не согласен: он полагает, что Сципион наступал колоннами. Но, по-видимому, это невозможно, так как Полибий говорит, что все отряды рубились врукопашную; судить об этом мы предоставляем ученым. *Nota bene*, что при Фарсале у Помпея было пятьдесят пять тысяч человек, а у Цезаря двадцать две тысячи. Резня была большая; двадцать две тысячи цезарьянцев после упорного боя победили пятьдесят пять тысяч помпейцев. Эта битва решила судьбу республики и подчинила власти любимца Никомеда Грецию, Малую Азию, Италию, Галлию, Испанию и т. д. Она имела куда более следствий, чем небольшое сражение Иоанны; но все же это наша Иоанна, наша Девственница; будем благодарны нашему дорогому соотечественнику, сравнившему подвиги этой милой девушки с подвигами Цезаря, который не был девствен, как она. Разве почтенные отцы иезуиты не сравнивали святого Игнатия с Цезарем, а святого Франциска-Ксаверия с Александром? Они походили на них столько же, сколько двадцать четыре старца Паскаля походят на двадцать четыре старца Апокалипсиса. Первого попавшегося короля постоянно сравнивают с Цезарем; так простим же возвышенному певцу нашей героини сравнение ничтожной стычки с битвами при Заме и Фарсале.

⁶⁵ Очевидно, наш глубокомысленный автор потому называет персами воинов-ассирийцев Сеннахериба, что персы долгое время господствовали в Ассирии; но достоверно, что ангел господень один поразил сто восемьдесят пять тысяч воинов Сеннахериба, имевшего дерзость наступать на Иерусалим; и когда Сеннахериб увидел все эти мертвые тела, он повернул обратно. Произошло это, как говорят, в 3293 году от сотворения мира; однако некоторые ученые полагают, что сие весьма обыденное событие произошло в 3295 году; мы же относим его к 3296 году, что и будет ниже доказано.

⁶⁶ Это место, по-видимому, надо рассматривать как подражание Гомеру. У Мильтона судьбы людей взвешиваются в знаке Весов.

Но как мне жаль любовницы-бедняжки!
А Ла Тримуйль был загнан в ров с водой
И вышел с переломленной рукой.
Пришлось вернуться воинам увечным,
И лечь в постель понадобилось им.
То было карой, посланной предвечным
За дерзкую насмешку над святым.

Бог и казнит и милует, как хочет:
Никто, Кенель,⁶⁷ не вступит в спор с тобой;
И Дюнуа не поражен судьбой,
Которую творец безумцам прочит.
Тогда как те, оставив страшный бой,
В носилках были снесены домой,
Свой рок и Девственницу проклиная,
Мой Дюнуа, как молния летая,
Нигде не ранен, рубит англичан,
Сбивает их ряды, как ураган,
Дорогу пролагает и неожиданно
Выходит к месту, где разит Иоанна.
Так два потока, ужас пастухов,
С вершины гор стремительно слетая,
Смешавшеюся яростью валов
Сметают прочь богатства урожая:
Еще грозней Иоанна с Дюнуа,
Соединенные для торжества.

Упоены, они так быстро мчались,
Так дико с англичанами сражались,
Что скоро с войском остальным расстались,
Спустилась ночь; Иоанна и герой,
Не видя никого перед собой,
«За Францию!» – последний раз вскричали
И на опушке леса тихо стали.
При лунном свете ищут путь назад,
Но только даром по лесу кружат;
Они клянут обманчивую славу,
Измучены и страшно голодны;
Не ужинав, ложиться спать в канаву –
Дурная привилегия войны.
Так судно без руля, в ночи беззвездной,
По воле ветра носится над бездной.

Пред ними пробежав, какой-то пес

---

⁶⁷ Намек на взгляды, изложенные в книге Кенеля, священника Оратория.

Надежду на спасенье им принес;
Он приближается, он громко лает,
Кивает мордой и хвостом виляет,
То побежит вперед, то повернет,
Как будто их по-своему зовет:
«Идите, господа, вослед за мною,
Приятнейший я вам ночлег открою».
Герои наши поняли тотчас,
Что хочет он, по выраженью глаз;
С надеждою пустились вновь в дорогу,
О благе Карла помолившись богу,
И состязались в лести меж собой,
Хваля друг друга за недавний бой.
Порою рыцарь сладострастным взглядом
Смотрел на девушку, скача с ней рядом;
Но ведал он, что от ее цветка
Зависит честь французского народа,
Что Франция погибла на века,
Когда он будет сорван раньше года.
Он усмирил желанья свои:
Он Францию предпочитал любви.
Но все ж, когда, попав в ухаб дороги,
Святой осел неверно ставил ноги,
Воспламенен, но сдержан, Дюнуа
Одной рукой поддерживал подругу,
А та в ответ, по воле естества,
Плечом склонялась на его кольчугу,
И головы касалась голова.
И вот, пока герои наши мчались,
Нередко губы их соприкасались –
Конечно, чтобы говорить вблизи
Об Англии с их родиной в связи.

О Кёнигсмарк,⁶⁸ в истории прочли мы,
Что шведский Карл, воитель нелюдимый,
Монархов победитель и любви,
К двору не принял прелести твои:
Боялся Карл плененным быть тобою;
Он мудр был, отступив перед бедою.
Но быть с Иоанною и помнить честь,
За стол голодным сесть и все ж не есть, –
Такой победе мы венок уделим.
Был рыцарь схож с Робертом д'Арбрисселем,⁶⁹

---

⁶⁸ Аврора Кёнигсмарк, любовница польского короля Августа I и мать знаменитого графа Саксонского.

⁶⁹ Роберт д'Арбриссель, основатель прекрасного Ордена в Фонтевро: в 1100 году он обратил, как бы закинув невод, одну проповедью всех непотребных женщин города Руана. Он придумал себе новый род мученичества, а именно: спать каждую ночь между двумя молодыми монахинями, чтобы провести дьявола, который, по-видимому, хорошо ему отплатил. Он не любил салического закона, ибо поставил женщину главным аббатом над монахами и монахинями своего Ордена.

Святым, который некогда любил,
Чтоб с ним в постели две монашки спали,
Ласкал округлость двух мясистых талий,
Четыре груди – и не согрешил.

На утренней заре предстал их взглядам
Дворец великолепный с пышным садом,
Сияя беломраморной стеной,
Дорической и длинной колоннадой,
Балконами из яшмы дорогой,
Из дивного фарфора балюстрадой.
Герои наши, смущены, стоят,
Им кажется, что это райский сад.
Собака лает, и тотчас же трубы
Играют марш, и сорок гайдуков,
Все в золоте, на сапогах раструбы,
Выходят, принимая пришлецов.
Двух молодых пажей услыша зов,
Они за ними в помещенье входят;
Там в золотые бани их уводят
Служанки; и, омытые, потом
Едою подкрепившись и вином,
Они легли в расшитые постели
И до ночи героями храпели.

Но надо вам узнать, что господин
Такого замка и таких долин
Был сыном одного из тех высоких
Небесных гениев, что иногда
Свое величье духов звездооких
Средь смертных забывают без труда.
Сошелся этот гений исполинский
С монахиней одной бенедиктинской,
И родился у них Гермафродит,
Великий некромант, волшебник лысый,
Сын гения и матери Алисы.
Вот год пятнадцатый ему стучит,
И дух, покинув горную обитель,
Ему речет: «Дитя, я твой родитель!
Я волю прихожу узнать твою;
Проси, что хочешь; все тебе даю».
Гермафродит, рожденный похотливым –
Он в этом мать с отцом не посрамил, –
Сказал: «Я создан, чтобы быть счастливым;
В себе я чую всех желаний пыл –
Так сделай же, чтоб я их утолил!
Мне надо – страсть моя тому причиной –

И женщиной в любви быть, и мужчиной,
Мужчиной быть, когда пылает день,
И женщиной – когда ложится тень».
Инкуб сказал: «Исполнено желанье!»
И с той поры бесстыдное созданье
Двойное получает ликованье.
Так собеседник божества Платон,⁷⁰
О людях говоря, был убежден,
Что первыми из перевозданной глины
Чудесные явились андрогины;
Как существа двуполые, они
Питались наслаждением одни.

Гермафродит был высшее созданье.
Ведь к самому себе питать желанье –
Совсем не самый совершенный рок;
Блаженней, кто внушить желанье мог
Вкусить вдвоем двойное трепетанье.
Ему его придворных хор поет,
Что он то Афродита, то Эрот:
Ему повсюду ищут дев прекрасных,
И юношей, и вдов, на все согласных.

Но попросить Гермафродит забыл
О даре, для него необходимом,
Без коего восторг не полным был,
О даре... ну, каком? – да быть любимым.
И сделал бог, карая колдуна,
Его уродливей, чем сатана.
Его глаза не ведали победы,
Напрасно он устраивал беседы,
Балы, концерты, всюду лил духи
И даже иногда писал стихи.
Но днем, в руках красавицу сжимая,
И по ночам, покорно отдавая
Возлюбленному женственный свой пыл,
Он чувствовал, что он обманут был.
Он получал в ответ на все объятья
Презрение, обиды и проклятья:
Ему являл воочью божий суд,
Что власть и мощь блаженства не дают.
«Как, – говорил он, – каждая служанка
Покоится в возлюбленных руках,
У каждого солдата – поселанка,
У каждой послушницы есть монах.

---

⁷⁰ По Платону, человек был создан двуполым. Адам явился таковым набожной Бурийон и ее руководителю Аббади.

Лишь я, богач, владыка, гений – ах! –
Лишь я лишен в круговороте этом
Блаженства, ведомого целым светом!»
Он четырьмя стихиями клялся
Карать и дев, и юношей коварных,
Которым полюбить его нельзя,
Чтоб стала окровавленной стезя
Сердец жестоких и неблагодарных.

По-царски относился он к гостям,
И бронзовая Савская царица,⁷¹
Фалестра, македонская девица,
Любезные двум царственным сердцам,
Таких даров, какие ожидали
К нему въезжавших рыцарей и дам
От данников своих не получали.
Но если гость в неведение своем
Отказывал ему в благоволенье
Или оказывал сопротивление,
Бывал посажен на кол он живьем.

Спустился вечер, – господин был дамой,
Четыре вестника подходят прямо
К красавцу Дюнуа сказать, что он
От имени хозяйки приглашен
На антресоли в час, когда Иоанна
Пойдет за стол под музыку органа.
И Дюнуа, весь надушен, вошел
В ту комнату, где ждал накрытый стол,
Такой же, как у дочери Птолемея,⁷²
Что, вечным вождельем пламенея,
Великих римлян милыми звала,
И возлежали у ее стола
Могучий Цезарь, пьяница Антоний;
Такой же, полный яств и благовоний,
Как тот, за коим пил со мной монах,
Король обжор в пяти монастырях;
Такой же, за каким в чертогах вечных, –
Когда не лгали нам Орфей, Назон,
Гомер, почтенный Гесиод, Платон, –
Отец богов, пример мужей беспечных,
Вдали Юноны ужинал тайком
С Европой иль Семелою вдвоем.

---

⁷¹ Царица Савская посетила Соломона и имела от него сына, который, сие всяких сомнений, стал родоначальником царей Эфиопии, что и доказано. Неизвестно, что случилось с потомством Александра и Фалестры.

⁷² Клеопатра.

На дивный стол принесены корзины
Руками благородной Евфрозины
И Талии с Аглаей молодой, –
Так в небесах трех граций называют;
Педанты наши их, увы, не знают;
Там вместе с Гебою нектар златой
Льет сын царя, поставившего Трои,⁷³
Который, вознесенный над землей,
Утехой был Зевсу потайною.
Вот за таким столом Гермафродит
С бастардом поздно вечером сидит.

Блится госпожа своим нарядом,
На ней алмазы – удивленье взглядам;
Вкруг желтой шеи и косматых рук
Обвязаны рубины и жемчуг;
Еще страшней она была такою.
Она бросается на грудь герою,
И Дюнуа впервые побледнел.
Но даже средь смелейших был он смел
И попытался нежностью взаимной
Хозяйке отплатить гостеприимной.
На безобразии ее смотря,
Он думал: «Совершу же подвиг я!»
Но не свершил: чудеснейшая доблесть
Ей недоступную имеет область.
Гермафродит почувствовал печаль,
Но все ж ему бастарда стало жаль,
И был в душе польщен он, без сомненья,
Усиьем, явственным для зорких глаз.
Им были почтены на этот раз
Отвага и похвальные стремленья.
«На завтра, – молвил, – можно отложить
Реванш. Но примените все уменьше,
Чтоб страсть преодолела уваженье,
И приготовьтесь мужественней быть».

Прекрасная предшественница света
Уж на востоке в золото одета:
А в этот самый миг меняет вид,
Мужчиной делаясь, Гермафродит.
Тогда, от нового желанья пьяный,
Отыскивает он постель Иоанны,
Отдергивает занавес и, грудь
Рукой бесстыдной силясь ущипнуть,

---

⁷³ Ганимед.

К ней поцелуем прикикая страстно,
На стыд небесный посягает властно.
Чем он страстней, тем более урод.
Иоанна, гневом праведным вскипая,
Могучую затрещину дает
По гнусной образине негодяя.
Так видел я не раз в моих полях:
На мураве зеленой кобылица,
По масти – настоящая тигрица,
На мускулистых и тугих ногах,
Сбивает неожиданным ляганьем
Осла, который был настолько глуп,
Что, полный грубым и тупым желаньем,
Уже взобрался на любимый круп.
Иоанна поспешила, вне сомненья:
Просить хозяин вправе уваженья.
Стыд под защиту мудрецы берут,
Не потерплю я на него гонений;
Но если принц, особенно же гений,
Становится пред вами на колени,
Тогда ему пощечин не дают.
И сын Алисы, хоть урод и плут,
Досель таких не ведал приключений
И никогда избитым не был тут.
Вот он кричит; и мигом разный люд,
Пажи, прислуга, стражи, все бегут:
Один из них клянется, что девица
На Дюнуа не стала бы сердиться.
О клевета, ужасный яд дворцов,
Доносы, ложь и взгляд косой и узкий,
И над любовью властен тот же ков,
Которым преисполнен двор французский!

Гермафродит наш вдвое оскорблен
И отомстить немедля хочет он.
Он произнес как только мог сердитей:
«Друзья, обоих на кол посадите!»
Они ему внимают, и тотчас
Подготавливаться пытка началась.
Герои, драгоценные отчизне,
Должны погибнуть при начале жизни.
Веревкой связан Дюнуа и гол,
Готовый сесть на заостренный кол.
И сразу же, чтоб угодить тирану,
К столбу подводят гордую Иоанну;
За прелесть и пощечину ее
Ей злое отомстит небытие.
Удар кнута терзает плоть бедняжки,

Она последней лишена рубашки
И отдана мучителям своим.
Прекрасный Дюнуа, покорный им,
Сбирается в последнюю дорогу
И набожно творит молитву богу;
Но как найти в глазах его тревогу?
Он палачей своих дивил порой;
В его лице читалось: вот герой!
Когда ж героя взоры различили
Чудесную отмстительницу лилий,
Готовую сойти в могильный склеп,
Непостоянство вспомнил он судеб;
И, зная, что ее посадят на кол,
Такую благородную в борьбе,
Прекрасную такую, он заплакал,
Как никогда не плакал о себе.

Не менее горда и человечна,
Иоанна, страха чуждая, сердечно
На рыцаря смотрела своего
И сокрушалась только за него;
Их юность, тел прекрасных белоснежность
В них против воли пробуждали нежность.
Такой прекрасный, скромный, нежный пыл
Родился лишь у края их могил,
В тот миг, как колокольчиком зазвякал,
С досадой прежней ревность слив теперь,
И подал знак, чтоб их сажали на кол
Противный небесам двупольный зверь.

Но в тот же миг громоподобный голос,
На головах вздымая каждый волос,
Раздался: «Погодите их сажать!
Постойте!» И решили подождать
Злодеи, обнаружив не без страха
На ступенях огромного монаха;
Веревкою был препоясан он,
И в нем легко был узнан Грибурдон.
Как гончая, несясь между кустами,
Почует вдруг привычными ноздрями
Знакомый запах, сквозь лесную сень,
Где скрылся убегающий олень,
И вот летит вперед на резвых лапах,
Не видя дичи, только чуя запах,
В погоне перепрыгивает рвы,
Назад не поворотит головы;
Так тот, кому патрон Франциск Ассизский,

Примчался на погонщике верхом
Пройденным Девственницею путем,
Упорно добиваясь цели низкой.
«О, сын Алисы, – так воскликнул он, –
Во имя сатанинских всех имен,
Во имя духа вашего папаша,
Во имя вашей набожной мамаша,
Спасите ту, по ком томлюсь, любя.
Я за обоих отдаю себя,
Когда на рыцаря и на Иоанну
Негодование охватило вас,
На место непокорных сам я стану;
Кто я такой – вы слышали не раз.
Вот, на придачу, мул, весьма пристойный,
Примерный скот, меня носить достойный;
Он ваш, и я б охотно присягнул,
Что скажете вы: по монаху мул.
О Дюнуа я толковать не стану,
Что проку в нем? Подайте нам Иоанну;
За девушку, которой пленены,
Не пожалеем мы любой цены».

Иоанна слушала слова такие
И содрогалась: помыслы святы,
И девственность, и слава для нее
Дороже сделались, чем бытие.
И благодать, святой подарок божий,
Прекрасного бастарда ей дороже.
Она в слезах молила небеса,
Да пронесут они опасность мимо,
И, закрывая грустные глаза,
Незрячая, желала быть незримой.

И Дюнуа был скорбью обуян.
«Как, – думал он, – расстриженный болван
Возьмет Иоанну, Францию погубит!
Судьба волшебников бесчестных любит,
Тогда как я, послушный до сих пор,
Я потуплял горящий страстью взор!»

Услыша вежливое предложенье,
Улыбкой отвечал Гермафродит;
Готов его принять без возраженья,
Уже доволен он и не сердит.
«Вы с мулом, – он монаху говорит, –
Готовы оба будьте: я прощаю

Французов; я их вам предоставляю». Владел монах Иакова жезлом,⁷⁴ И перстнем Соломона, и ключом; Он также обладал волшебной тростью, Придуманной египетским жрецом, И помелом, принесшим с дикой злостью Беззубую к царю Саулу гостью, Когда в Эндоре, заклиная тьму, Она призвала мертвеца к нему. Был Грибурдон не хуже по уму: Круг начертав, он взял немного глины, Помазал ею нос своей скотины И произнес слова – источник сил, Которым персов Зороастр учил⁷⁵ Услыша сатанинское наречье, – О, чудеса! О, власть нечеловечья! – На две ноги тотчас поднялся мул, Передними уздечку отстегнул, Густая шерсть сменилась волосами, И шапочка явилась над ушами. Не так ли некогда великий царь,⁷⁶ За злобу сердца осужденный богом Быком щипать траву по всем дорогам, Стал человеком наконец, как встарь? Под синим куполом небесной сферы Святой Денис, печален свыше меры, Услышал Девственницы слабый стон; К ней на подмогу устремился б он, Когда бы сам он не был затруднен. Денисовой поездкой оскорблен, Один весьма почтенный небожитель,

---

⁷⁴ У шарлатанов имеется жезл Иакова, у магов – книги Соломона, озаглавленные «Кольцо» и «Ключ». Царские советники, маги при дворе фараона, совершившие те же чудеса, что и Моисей, звались Яннес и Мамбрес. Имя Эндорской пифониссы, вызвавшей тень Самуила, неизвестно, но всем известно, что такое тень, а также, что эта женщина обладала духом пифоновым или пифоническим.

⁷⁵ Зороастр, которого, собственно, следует называть Зердуст, был великим волшебником, как и Альберт Великий, Роджер Бэкон и почтенный отец Грибурдон.

⁷⁶ Небукаднетцар, Навуходоносор, сын Набо-Палассара, халдейский царь, осадил Иерусалим, взял его и, наложив цепи на Иоахима, царя Иудеи, отослал его пленником в Вавилон, в год от сотворения мира 3429-й. Небукаднетцару приснился сон, который он забыл; маги, астрологи и мудрецы не могли его отгадать; поэтому Ариох, начальник телохранителей, получил приказание умертвить их; юный Даниил угадывает сон и толкует его; в этом сне царь видел прекрасную статую и т. д. Некоторое время спустя Небукаднетцар приказал воздвигнуть истукана из чистого золота вышиною в шестьдесят локтей и шириною в шесть; собрав весь свой народ, он принудил его поклоняться этому истукану при звуках рога, трубы, арфы, цевницы и гуслей; а когда Сидрах, Мисах и Авденаго, молодые иудеи, товарищи Даниила, отказались поклоняться, царь приказал бросить их в печь, натопленную на этот раз в семь раз жарче обыкновенного; и они вышли оттуда целыми и невредимыми. Небукаднетцару приснился еще один сон: он видел дерево, большое и крепкое; вершина касалась небес, и в ветвях обитали птицы. Некий святой спустился и крикнул: «Срубите дерево и обрубите ветви» и т. д. Даниил истолковал и этот сон: он предсказал царю, что тот будет отлучен от людей; что в продолжение семи лет будет жить вместе со зверями, что будет есть траву, подобно быкам; пока волосы его не станут, как у орла, а ногти, как у птиц; так и случилось. Тертуллиан и святой Августин говорят, что Навуходоносор вообразил себя быком вследствие болезни, называемой «ликантропией». По прошествии семи лет к этому государю вернулся разум, и он снова занял престол; он прожил только год после своего исцеления, но использовал его так хорошо, что святой Августин, святой Иероним, святой Елифаний, Феодорит и прочие, упоминаемые Перерием, надеются на его спасение.

Святой Георгий, Англии святитель,⁷⁷
Открыто возмущался, что Денис
Без позволения спустился вниз,
Стараясь, как непрошенный воитель.
И скоро, слово за слово, они,
Разгорячась, дошли до руготни.
В характере британского святого
Всегда есть след чего-то островного:
Пускай душа в раю поселена,
Родная всюду скажется страна;
Так выговор хранит провинциальный
Сановник важный и официальный.
Но мне пора, читатель, отдохнуть;
Мне предстоит еще немалый путь.
Когда-нибудь, но только не сегодня,
Я расскажу вам, с помощью господней,
К каким событиям это привело,
Что случилось с Девой, что произошло
На небе, на земле и в преисподней.

Конец песни четвертой

---

⁷⁷ Не следует смешивать Георгия – покровителя Англии и ордена Подвязки, со святым Георгием – монахом, убитым за возмущение народа против императора Зенона. Наш святой Георгий – каппадокиец, полковник на службе Диоклетиана, замученный, как говорят в Персии, в городе Диосполе. Но так как у персов не было такого города, то позднее стали считать, что он был замучен в Армении, в городе Митилене. В Армении нет Митилены так же, как нет Диосполя в Персии. Но, во всяком случае, установлено, что георгий был кавалерийским полковником, ибо его конь при нем и в раю.

Песнь пятая

Монах Грибурдон, пытавшийся обесчестить Иоанну, по заслугам попадает в ад. Он рассказывает о своем приключении чертям.

Друзья мои, пора, поверьте мне,
Остепениться и зажить вполне,
Как истые, прямые христиане!
Среди гуляк, рабов своих желаний,
Я молодости проводил года
В трактирах вечно, в церкви никогда.
Мы пьянствовали, ночевали с девкой
И провожали пастыря с издевкой.
И что же? Смерть, которой не уйти,
С косою острой стала на пути
Весельчаков, курносая, седая,
И лихорадка, вестница хромая,
Рассыльная Атропы, Стикса дочь,
Терзает их умы и день и ночь;
Сиделка иль нотариус свободно
Им сообщают: «Вы умрете, да;
Скажите же, где вам лежать угодно».
И позднее раскаянье тогда
Слетает с уст: печальная картина.
Ждут помощи блаженного Мартина,
Святой Митуш⁷⁸ великих благостынь,
Поют псалмы, коверкают латынь,
Святой водою их кропят, но тщетно:
Лукавый притаился незаметно
У ног постели, когти распустил.
Летит душа, но он ее схватил
И увлекает в подземелья ада,
Где грешных ждет достойная награда.

Читатель мой! Однажды Сатана,⁷⁹
Которому принадлежит страна
Большая, с населением немалым,
Блестящий пир давал своим вассалам.
Народ в те дни без счета прибывал,
И демоны гостей встречали славно:
Какой-то папа, жирный кардинал,

---

⁷⁸ Раньше говорили: «Sainte n'y touche» (Буквально: «Святая недотрога» (франц.), и говорили правильно. Ясно было, что это женщина, которая не позволяет до себя дотронуться, а теперь, забыв о смысле, говорят: «Sainte Mitouche». Язык с каждым днем вырождается. Я бы желал, чтобы автор имел смелость сказать «Sainte n'y touche», – как говорили наши отцы.

⁷⁹ «Сатана» – слово халдейское, которое означает приблизительно то же, что «Ариман» у персов, «Тифон» у египтян, «Плутон» у греков, а у нас диавол. Только у нас его изображают с рогами. (См. седьмой том: «De forma diaboli» («Об облике дьявола» (лат.) достопочтенного отца Тамбурины.)

Король, что правил Севером недавно,
Три интенданта, двадцать черных ряс,
Четырнадцать каноников. Богатый
Улов, как видите, был в этот раз.
И черной сволочи король рогатый
В кругу своих придворных и друзей
Нектар бесовский пил, весьма довольный,
И песенке подтягивал застольной.
Вдруг страшный шум раздался у дверей:
«Эй, здравствуйте! Вы здесь! Вы к нам, почтенный!
Ба! Это Грибурдон, наш неизменный,
Наш верный друг! Входите же сюда,
Святой отец! Вниманье, господа!
Прекрасный Грибурдон, апостол ада,
Ученый муж! Таких-то нам и надо!
Сын черта, несравненный по уму!»
Его целуют, руку жмут ему
И быстро увлекают в подземелье,
Где слышно пира шумное веселье.

Встал Сатана и говорит: «Сынок,
Драчун,⁸⁰ кого давно оставил бог,
Так рано я тебя не ждал; жалею,
Что голову свою ты не берег.
Духовной Академией моею
Ты сделал Францию в короткий срок:
В тебе я видел лучшую подмогу.
Но спорить нечего с судьбой! Садись
Со мною рядом, пей и веселись!»
В священном ужасе целует ногу
У господина своего монах,
Потом глядит с унынием в глазах
На пламенем объятые пространства,
Где обитают в огненных стенах
Смерть, вечные мученья, окаянство,
Где восседает зла нечистый дух,
Где дремлет прах классического мира,
Ум, красота, любовь, наука, лира, –
Все, что пленяет глаз и нежит слух,
Неисчислимый сонм сынов господних,
На радость черту сотворенных встарь!
Ведь здесь, читатель, в муках преисподних,
Горит тиран и рядом лучший царь.
Здесь Антонин и Марк Аврелий, оба
Катона, бичевавшие разврат,

---

⁸⁰ «Драчун» – дружеское обращение францисканцев в XV веке. Ученые расходятся насчет этимологии этого слова; очевидно, оно означает крепкого детину, здорового забияку.

Кротчайший Тит, всех угнетенных брат,
Траян, прославленный еще до гроба,
И Сципион, чья пламенная власть
Преодолела Карфаген и страсть.
Мы видим в этом пекле Цицерона,
Гомера и премудрого Платона.
За истину принявший смерть Сократ,
Солон к Аристид в смоле кипят.
Что доблести их, что благодеянья,
Раз умерли они без покаянья!

Но Грибурдон был крайне удивлен,
Когда в большом котле заметил он
Святых и королей, которых ране
Себе примером чтити христиане.
Одним из первых был король Хлодвиг.⁸¹
Я вижу, мой читатель не постиг,
Как может статья, что король великий,
Который в рай открыл дорогу нам,
В аду кромешном оказался сам.
Я признаюсь, бесспорно, случай дикий.
Но объясняю это без труда:
Не может освященная вода
Очистить душу легким омовеньем,
Когда она погибла навсегда.
Хлодвиг же был ходячим преступленьем,
Всех кровожадней слыл он меж людьми;
Не мог очистить и святой Реми
Монарха Франции с душой вампира.

Меж этих гордых властелинов мира,
Блуждавших в сумраке глухих долин,
Был также знаменитый Константин.
«Как так? – воскликнул францисканец серый, –
Ужель настолько промысел суров,
Что основатель церкви, всех богов
Языческих преодолевший верой,
Последовал за нами в эту тьму?»
Но Константин ответствовал ему:⁸²
«Да, я низвергнул идолов, без счета
Моей рукою капищ сожжено.

---

⁸¹ Это осуждение Хлодвиг и многих других следует рассматривать лишь как поэтический вымысел. Впрочем, в нравственном смысле можно сказать, что Хлодвиг мог быть наказан за убийство нескольких соседних правителей и некоторых своих родных, что не вполне по-христиански.

⁸² Константин отнял жизнь у своего тестя, своего зятя, племянника, жены и сына и был самый честолюбивый, тщеславный и сластолюбивый из людей; впрочем, хороший католик; но умер он арианом, крещенный арианским епископом.

Я богу сил кадил куренья, но
О вере истинной моя забота
Была лишь лестницей. По ней взошел
Я на блестящий кесарский престол,
И видел в каждом алтаре ступень я.
Я чтил величье, мощь и наслажденья
И жертвы приносил им вновь и вновь.
Одни интриги, золото и кровь
Мне дали власть; она была непрочной;
Стремясь ее незыблемо вознесть,
Я приказал, чтоб был убит мой тесть.
Жестокий, слабосильный и порочный,
В кровавые утехи погружен,
Отравлен страстью, ревностью сожжен,
Я предал смерти и жену и сына.
Итак, не удивляйся, Грибурдон,
Что пред собою видишь Константина!»

Но тот дивиться каждый миг готов,
Встречая в сумраке ущелий диких
Повсюду казуистов, докторов,
Прелатов, проповедников великих,
Монахов всяческих монастырей,
Духовников различных королей,
Наставников красавиц горделивых,
В земном раю – увы! – таких счастливых!
Вдруг он заметил в рясе двух цветов
Монашка от себя довольно близко,
Так, одного из набожных скотов,
С густою гривой, с ряшкою, как миска,
И, улыбаясь: «Эй, кто ты таков? –
Спросил наш францисканец у монашка. –
Наверное, изрядный озорник!»⁸³
Но тень ответила, вздыхая тяжело:
«Увы, я преподобный Доминик».⁸⁴

Услышав это, точно оглушенный,
Наш Грибурдон попятился назад.
Он стал креститься, крайне пораженный.
«Как, – он воскликнул, – вы попали в ад?
Святой апостол, божий собеседник,
Евангелья бесстрашный проповедник,

---

⁸³ Францисканцы всегда были врагами доминиканцев.

⁸⁴ По-видимому, автор здесь только шутит. Впрочем, Гусман, изобретатель инквизиции, которого мы зовем Домиником, был действительно гонителем. Известно, что жители Лангедока, так называемые альбигойцы, хранили верность своему государю и что с ними вели самую бесчеловечную войну единственно из-за их учения. Что может быть ужаснее, чем истребление железом и огнем властителя и всех его подданных под тем лишь предлогом, что они думают не так, как мы?

Ученый муж, которым мир велик,
В вертепе черном, словно еретик!
Коль так – мне жаль мою земную братью,
Обманутую лживой благодатью.
Подумать только: за обедней им
Велят молиться этаким святым!»

Тогда испанец в рясе бело-черной
Унылым голосом сказал в ответ:
«Мне до людских ошибок дела нет.
Их болтовне я не внимаю вздорной.
Несчастные, мы изнываем тут,
А люди нам акафисты поют.
Иному церковь строится до смерти,
А здесь его поджаривают черти.
Другого же осудит целый свет,
А он в раю, где воздыханий нет.
Что до меня, то вечные мученья
Я по заслугам на себя навлек.
На альбигойцев я воздвиг гоненья,
А в мир был послан не для разрушенья,
И вот горю за то, что сам их жег».
О, если б я имел язык железный,
Я б говорил, покуда время есть,
И не успел бы – подвиг бесполезный –
Святых, в аду горящих, перечесть.

Когда сынка Ассизского Франциска
Вся эта публика довольно близко
С судьбою познакомила своей,
Они заговорили без затей.
«Милейший Грибурдон, скорей, не мучай,
Скажи, какой необычайный случай
Подстроил так, что в адские края
Безвременно сошла душа твоя?»
«Извольте, господа, к чему ломаться;
Я расскажу престранный случай мой.
Вы будете, конечно, удивляться,
Но в истине ручаюсь головой:
Не лжет мой рот, засыпанный землей!

Когда еще я не был в этом месте,
Для чести рясы и для вашей чести
Любовный подвиг был исполнен мной,
Какого не запомнит шар земной.

Погонщик мой, соперник содостойный,⁸⁵
Великий муж и доблестный осел,
Погонщик мой, усердный и спокойный,
Мечты Гермафродита превзошел.
И я для самки-чудища все знанья
Собрал и все способности напруг;
И сын Алисы, оценив старанья,
Иоанну дал нам, как доверья знак,
И Девственница, гордость королевства,
Спустя мгновенье потеряла б девство:
Погонщик мой обхватывал ей зад,
Я крепко заключил ее в объятья;
Гермафродит был чрезвычайно рад.

Но тут, не знаю, как и передать, я,
Разверзлась твердь, и вдруг из синевы
(Из царства, где я никогда не буду,
Не будете, друзья мои, и вы)
Спустилось – как не подивиться чуду!
Известное по пребольшим ушам
Животное, с которым Валаам
Беседовал, когда всходил на гору.
Ужаснейший осел явился взору!
Он был оседлан. У луки блестел
Палаш с изображением трех лилий.
Стремительнее ветра он летел
При помощи остроконечных крылий.
Иоанна тут воскликнула: «Хвала
Творцу: я вижу моего осла!»
Услыша эту речь, я содрогнулся.
Крылатый зверь, колени преклоня
И хвост задрав, пред Дюнуа согнулся,
Как будто говоря: «Сядь на меня!»
Садится Дюнуа, и тот взлетает,
Своими побрякушками звеня,
И Дюнуа внезапно на меня,
Мечом размахивая, нападает.
Мой господин, владыка адских сил,
Тебе война подобная знакома;
Так на тебя когда-то Михаил
Напал по манию владыки грома,⁸⁶
Которого ты тяжко оскорбил.

---

⁸⁵ Содостойный (condigne) – от латинского «condignus»; это слово встречается у писателей XVI века.

⁸⁶ Об этой войне говорится только в апокрифической книге Еноха; ни в одной другой древнееврейской книге о ней ничего не сказано. Предводителем небесного воинства был действительно Михаил, как говорит наш автор; но вождем злых ангелов был не Сатана, а Семехиах; такая оплошность извинительна в длинной поэме.

Тогда, глубокого исполнен страха,
Я к волшебству прибегнул поскорей:
Я бросил облик рослого монаха,
Надменное лицо с дугой бровей,
И принял вид прелестный, безмятежный
Красавицы невинной, стройной, нежной.
Играла по плечам кудрей волна,
И грудь высокая была видна
Сквозь легкое прикрытье полотна.
Я перенял все женские повадки,
Все обаянье юной красоты,
Испуга и наивности черты,
Которые всегда милы и сладки.
Сияньем глаз и прелестью лица
Я мог очаровать и мудреца,
Смутил бы сердце, будь оно из стали;
Так дивно прелести мои блистали.
Мой паладин был очарован мной.
Я был у края гибели: герой
Занес палаш⁸⁷ неумолимый свой
И руку опустил наполовину.
Минута – и мне не было б помину.
Но Дюнуа, взглянув, застыл на миг.

Кто видел в древности Медузы лик,
Тот превращался в равнодушный камень.
А рыцаря я так сумел привлечь,
Что он почувствовал, напротив, пламень,
Вздыхнул и выпустил ужасный меч.
И, на него взглянув, я понял ясно,
Что он влюбился преданно и страстно.
Я победил, казалось. Кто б постиг
То, что случилось в следующий миг?
Погонщик, плотные красы Иоанны
Сжимавший крепко, тяжело дыша,
Узрев, как я мила и хороша,
В меня влюбился, олух окаянный.
Увы, не знал я, что способен он
Быть утонченной прелестью пленен!
О, род людской, о, род непостоянный!
И вот, ко мне воспламенившись вдруг,
Дурак Иоанну выпустил из рук.
Как только та свободу ощутила,
Блестящий меч, забытый Дюнуа,
Увидев на земле, она схватила
И с грозною отвагой занесла;

---

⁸⁷ Палаш – старинное слово, означающее саблю.

И в миг, когда погонщик мой – о, горе! –
Спешил ко мне с желаньями во взоре,
Иоанна за косы меня взяла.
Ужасный взмах меча – я погибаю
И больше ничего с тех пор не знаю
Про Дюнуа, погонщика, осла,
Гермафродита, Девственницу злую.
Пусть все они погибнут на колу!
Пусть небо им пошлет судьбу худую,
Отправит всех в кипящую смолу!»
Так изливал монах свою досаду,
Вздыхая горько на потеху аду.

Конец песни пятой

Песнь шестая

Приключение Агнесы и Монроза. Храм Молвы. Трагическое приключение Доротеи.

Покинем грязное ущелье, ад,
Где Грибурдон и Люцифер горят,
Раскроем крылья в небесах пошире
И поглядим, что происходит в мире.
Увы, такой же ад и белый свет,
И здесь невинности покою нет.
Здесь добродетель топчут лицемеры;
Ум, вкус, искусство, славные дела
Умчались прочь, в заоблачные сферы;
Политика – труслива и подла –
Над всем главенствует, все заменяет;
Исподтишка святоша направляет
Оружье дураков на мудреца;
И Выгода, чьей власти нет конца,
Чей слух не режет гром сражений гулкий,
Разлегшись возле денежной шкатулки,
Сильнейшему слабейших продает.
О люди! Жалкий и виновный род!
К чему все это? Что за наважденье?
Вам ведомо распутство, но, увы,
Без удовольствия! Познайте вы,
Коль так, хоть прелести грехопаденья.
И если адский пламень – доля всех,
Пусть нас туда приводит сладкий грех.

Сорель Агнеса это понимала.
Одно поставить можно ей в упрек:
Любовь ее сверх меры донимала.
Но кто бы оправдать ее не мог?
К ней, верю, будет милостивым бог.
Святой – и то порою не без пятен;
Но кающийся – господу приятен.

Спасала Девственница честь свою,
И Грибурдон, в кощунстве виноватый,
Сказал «прости» земному бытию.
В тот миг задумал наш осел крылатый,
Который рыцаря столь дивно спас,
Невероятнейшую из проказ:
Его с Иоанной разлучить. Какая
Была причина этому? Любовь,
Любовь, неодолимая, слепая,

Таинственно волнующая кровь.
Когда-нибудь узнаешь, друг читатель,
Отважный план священного осла.
Он был дитя Аркадии, мечтатель.
Итак, ему фантазия пришла
Лететь в Ломбардию и, не случайно:
Ему Денис внушил все это тайно,
Когда он Дюнуа на крыльях нес.
Но для чего? – предчувствую вопрос.
В душе бастарда и в душе ослиной
Денис огонь почувствовал единый,
Который рано или поздно мог
Разрушить план его, сорвать цветок,
И Францию унижить и Иоанну.
Он верил, что разлука и года
Любовь в сердцах изгладят навсегда.
Я упрекать за то его не стану,
И вы, надеюсь, тоже, господа.
Святитель наш к тому же в этом деле
Преследовал еще другие цели.
Итак, осел, которому Денис
Доверил честь, и рыцарь, взмыв высоко
Над берегом Луары, унеслись
К верховьям Роны во мгновение ока,
И Дюнуа глядел издалика
На Девственницу. Совершенно голой
Она шагала, вся в крови. Рука
Сжимала яростно булат тяжелый.
Напрасно силится Гермафродит
Остановить шаги ее святые,
Над ней напрасно реют духи злые, –
Иоанна их с презрением разит.
Так улей иногда в тени раки
Увидит юноша и с удивленьем
Любуется диковинным строеньем,
Но вдруг жужжащий рой со всех сторон
Отважно на зеваку нападает.
Крылатой армией облеплен, он
Беснуется, танцует, приседает,
Но быстро оправляется и вот
Всю эту дрянь немилосердно бьет
И дерзких побеждает неизменно.
Так Девственница гордая надменно
Справлялась с легкой армией высот.

Погонщик же, дрожащий от испуга,
Боясь лишиться головы, взывал:
«О Девственница, о моя подруга,

Тебе я на конюшне помогал.
Яви же милосердье на примере
И сохрани мне жизнь, по крайней мере.
О, сжался, сжался и не убивай!»

Иоанна отвечает: «Негодяй,
Я милую тебя: меч богоданный
Не хочется марать в крови поганой!
Но пошевеливайся! Видно, мне
Придется ехать на твоей спине.
Кудесничество – дело не девичье,
Но каково ни есть твое обличье,
Ты мне сейчас заменишь лошака.
Осел мой улетел за облака.
Беру тебя, чтоб не было заминки;
Нагнись же», – говорит она, и тот
Склоняет лысину, на четвереньки
Становится, и вздохи издает,
И рысью Девственницу мчит вперед.
Взбешенный гений поклялся сурово
Французам пакостить по мере сил;
Он Англию с досады полюбил
И, справедливо рассердясь, дал слово
У шутников отбить к проделкам вкус.
Чтоб каждый легкомысленный француз
Достойное изведаль наказание,
Он строить приказал большое зданье,
Ловушку, лабиринт, где месть его
Поймала бы, потомкам в назиданье,
Героев Франции – до одного.⁸⁸

Но что произошло с Агнесой милой?
Вы помните испуг ее, когда
Она, полуживая от стыда,
Была готова уступить пред силой.
Мгновенно выпустив ее из рук,
Умчался Жан Шандос на бранный звук.
Из затрудненья выпутавшись вдруг,
Агнеса тут же начала божиться,
Еще недавним страхом смущена,
Что впредь такого с нею не случится.
И Карлу мысленно клялась она,
Что будет одному ему верна,
Что с королем своим не разлучится,
Что не изменит и умрет скорей.

---

⁸⁸ См. песнь семнадцатую.

Увы, не следовало клясться ей!

В той суতোлке, грохоте, смятенье,
Когда врасплох военный лагерь взят,
Когда и полководец и солдат –
Один бежит, другой спешит в сраженье,
Когда сопровождающие стан
Мошенники спешат набить карман
И крики слышатся сквозь дым зловонный, –
Вдруг очутившись вовсе обнаженной,
В Шандосов гардероб она идет,
Рубашку, туфли и халат берет,
Не позабыв и колпака ночного.
Все впору ей: она одета снова!
На счастье, конь огромный вороной,
Шандоса ожидая у палатки,
Оседланный, с блестящею уздой,
Стоял, и, погруженный в отдых сладкий,
Спал конюх-пьяница, держа его,
Вокруг не замечая ничего.
Агнеса боязлива, как овечка,
Но вот уже в ее руках уздечка;
Какое-то бревно ей помогло
Взобраться на высокое седло,
И, шпоры дав, она летит мгновенно,
Страшась и радуясь одновременно!
Толстяк Бонно брел пеший среди полей
И брюхо проклинал свое, а вместе
Агнесу, англичан, и королей,
И путешествие, и поле чести.

В то время паж, по имени Монроз,⁸⁹
Которого с собой возил Шандос,
Спешил домой, исполнив порученье;
Увидев издали все приключенье,
Коня, летящего в лесной овраг,
Халат Шандоса и ночной колпак,
Он все не мог понять, что за причина
В таком наряде мчит, как на рожон,
Его возлюбленного господина.
Испуган юноша и поражен,
Летит галопом, крик его отчаян:
«О господин! О дорогой хозяин!
Куда вы мчитесь? Кто кого сразил?
Сдержите же неистовый свой пыл,

---

⁸⁹ Это тот самый паж, на задку которого Иоанна нарисовала три лилии.

Постойте! Я умру в разлуке с вами».
Так сыпал он тревожными словами,
И только ветер крики разносил.

Пажом преследуемая Агнеса,
Рискуя жизнью, мчится в чащу леса.
Она летит как ветер, но туда ж,
Еще стремительней, несется паж.
Конь спотыкается, и в чаще темной
Красавица растерянная томный,
Упав на землю, испускает крик.
И тотчас же Монроз ее настиг.
Над чувствами мгновенно власть утратя,
Глядел Монроз, не смея и вздохнуть,
На белоснежную, как жемчуг, грудь,
Рубашкою прикрытую чуть-чуть,
На все, что было видно из-под платья.

Ты удивлен был милый Адонис,⁹⁰
Когда любовница, чьей красотой
Владели Марс суровый и Анхиз,
В лесной глуши явилась пред тобою.
Был на Венере не такой наряд,
На кудрях не колпак, ручаюсь смело,
И с лошади божественное тело,

---

⁹⁰ Адонис, или Адони – сын Кинира и Мирры, финикийский бог, возлюбленный Венеры_Астарты. Финикийцы ежегодно оплакивали его смерть, а затем радовались его воскресению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.